„НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ“

ПРОФ. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПСИХОЛОГИЯ МАСС
И
АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
„Я“

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Н. А. СТОЛЛЯР—МОСКВА 1925

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА „СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

ПРОФ. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПСИХОЛОГИЯ МАСС И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО „Я“

Перевод с немецкого д-ра **Я. М. Когана.**

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Н. А. СТОЛЛЯР — МОСКВА 1925

Главлит № 29.646. Москва, 1925. Тираж 3.000.

Тип. Из-ва МГСПС „Труд и Книга", Б. Якиманка, 32.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Противоположность между индивидуальной психологией и социальной психологией (или психологией масс), кажущаяся на первый взгляд весьма значительной, оказывается при тщательном исследовании не столь резкой. Хотя индивидуальная психология построена на наблюдении над отдельным человеком и занимается исследованием тех путей, идя которыми индивид стремится получить удовлетворение своих влечений, однако при этом ей приходится лишь изредка, при определенных исключительных условиях, не принимать во внимание отношений этого индивида к другим индивидам. В душевной жизни одного человека другой всегда оценивается как идеал, как об'ект, как сообщник или как противник, и поэтому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и социальной психологией в этом распространенном, но весьма правильном смысле.

Отношение индивида к своим родителям, к братьям и сестрам, к своему любовному об'екту, к своему врачу, следовательно, все те взаимоотношения, которые до сих пор были преимущественно предметом психоаналитического исследования, могут быть оценены как социальные фено-

мены и противопоставлены некоторым другим процессам, названным нами нарцистическими, при которых удовлетворение влечений избегает влияния других людей или отказывается от контакта с ними. Следовательно, противоположность между социальными и нарцистическими — Bleuler сказал бы, может быть, аутистическими—душевными актами принадлежит к области индивидуальной психологии и не может служить признаком, отделяющим ее от социальной психологии или психологии масс.

В вышеупомянутых взаимоотношениях с родителями, с братьями и сестрами, с любимым лицом, с другом и с врачом, человек испытывает всегда влияние одного лишь лица или очень ограниченного числа лиц, из которых каждое имеет огромное значение для него. Вошло в обыкновение, говоря о социальной психологии или о психологии масс, не обращать внимания на эти взаимоотношения и выделять в качестве предмета исследования одновременное влияние, оказываемое на человека большим числом людей, с которыми он связан в каком-нибудь одном отношении, в то время, как во многих других отношениях он может быть им чужд. Итак, психология масс занимается исследованием отдельного человека как члена племени, народа, касты, сословия, института или как составной части человеческой толпы, организовавшейся в массу к определенному времени для определенной цели. После того, как эта естественная связь прекращалась, можно было оценивать явления, происходящие при этих особых условиях, как выражение особого, неподдающегося дальнейшему разложению влечения, социального влечения—herd instinct, group mind,—не проявляющегося в других ситуациях. Против этого мы воз-

ражаем, что нам трудно придать моменту численности такое большое значение, в силу которого он сам по себе мог бы будить в душевной жизни человека новое, до тех пор инактивное влечение. Обратим внимание на две другие возможности: что социальное влечение может не быть первоначальным, может подвергнуться дальнейшему разложению и что корни его развития можно найти в более тесном кругу как, например, в семье.

Психология масс, хотя и находящаяся в зачаточном состоянии, обнимает необозримое множество индивидуальных проблем и ставит перед исследователем необозримое множество задач, которые в настоящее время даже не обособлены еще вполне друг от друга. Одна лишь классификация различных форм масс и описание выявляемых ими психических феноменов требует огромного наблюдения и подробного изложения; по этому вопросу имеется уже богатая литература. Всякий, кто сравнит размеры этой небольшой работы с об'емом психологии масс, тот, конечно, сразу поймет, что здесь будут затронуты лишь немногие вопросы из всего материала. И действительно, здесь будут разобраны некоторые вопросы, к которым исследование глубин психоанализа проявляет особый интерес.

II.

Описание массовой души у Лебона.

Вместо определения массовой души, мне кажется более целесообразным начать с указания на ее проявления и выхватить из них некоторые особенно поразительные и характерные факты, с которых можно начать исследование. Мы достигнем и той и другой цели, если обратимся к некоторым страницам из книги Лебона «Психология масс»*), вполне заслуженно пользующейся известностью.

Уясним себе еще раз суть дела: если бы психология, предметом исследования которой являются наклонности, влечения, мотивы и намерения индивида вплоть до его действий и отношений к своим ближним, до конца разрешила свою задачу и выяснила бы все эти взаимоотношения, то она очутилась бы внезапно перед новой задачей, которая оказалась бы для нее неразрешимой: она должна была бы об'яснить тот поразительный факт, что ставший ей понятным индивид при определенном условии чувствует, мыслит и действует иначе, чем этого можно было бы ожидать, и этим условием

*) Г. Лебон. „Психология народов и масс". Перевод с французского А. Фридмана и Э. Пименовой. С.-Петербург, изд. Ф. Павленкова, 1896.

является приобщение к человеческой толпе, которая приобрела качество психологической массы. Что такое «масса», благодаря чему она приобретает способность оказывать такое сильное влияние на душевную жизнь индивида и в чем заключается душевное изменение, к которому она обязывает индивида?

Ответ на эти три вопроса является задачей теоретической психологии. Очевидно, лучше всего исходить из третьего вопроса. Наблюдение измененной реакции индивида дает материал для психологии масс; каждой попытке об'яснения должно предшествовать описание того, что должно быть об'яснено.

Я привожу слова Лебона. Он пишет (стр. 165). «Самый поразительный факт, наблюдающийщийся в одухотворенной толпе (psychologische Masse), следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие путем этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Мы позволяем себе прервать изложение Лебона нашими комментариями и высказываем здесь следующее замечание: если индивиды в массе связаны в одно целое, то должно существовать нечто связывающее их друг с другом, и этим связующим звеном может быть именно то, что характерно для массы. Однако Лебон не отвечает на этот вопрос; он занимается исследованием перемены, происходящей с индивидом в массе, и описывает его в выражениях, вполне согласующихся с основными предпосылками нашей психологии глубин.

(Стр. 166.) «Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы.

Для того, чтобы хоть несколько раз'яснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно: что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинуется. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессознательного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными есть еще более тайные, потому

что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения».

В массе стираются, по мнению Лебона, индивидуальные достижения людей, и благодаря этому исчезает их оригинальность. Расовое бессознательное выступает на первый план, гетерогенное утопает в гомогенном. Мы скажем: психическая надстройка, развивавшаяся столь различно у различных индивидов, рушится, и при этом обнаруживается однородный у всех бессознательный фундамент.

Таким образом была бы осуществлена средняя характеристика индивидов, составляющих массу. Однако Лебон находит, что у них проявляются и новые качества, которыми они до сих пор не обладали. Обоснование этого он ищет в трех различных моментах.

(Стр. 168.) «Первая из этих причин заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание неопреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он бывает один. В толпе же он тем менее склонен обуздывать эти инстинкты, что толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Мы, с нашей точки зрения, придаем небольшое значение появлению новых качеств. Нам достаточно сказать, что индивид находится в массе в таких условиях, которые позволяют ему отбросить вытеснение своих бессознательных влечений. Мнимо новые качества, обнаруживаемые индиви-

дом, суть проявления этого бессознательного, в котором содержится все зло человеческой души; нам нетрудно понять исчезновение совести или чувства ответственности при этих условиях. Мы уже давно утверждали, что ядром так называемой совести является «социальный страх».

Некоторое отличие взгляда Лебона от нашего возникает благодаря тому, что его понятие бессознательного не вполне совпадает с понятием о том же, принятым психоанализом. Бессознательное Лебона содержит прежде всего глубочайшие отличительные черты расовой души, находящейся собственно вне рассмотрения психоанализа. Правда, мы признаем, что ядро человеческого „Я“, которому принадлежит „архаическое наследство“ человеческой души бессознательно; но кроме того, мы обособляем „вытесненное бессознательное“, явившееся результатом некоторой части этого наследства. Это понятие вытесненного отсутствует у Лебона.

(Стр. 168.) «Вторая причина, — зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет такое явление, которое легко указать, но не об'яснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой

природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы».

Эта фраза послужит впоследствии основанием для одного важного предположения.

(Стр. 169.) «Третья причина, и притом самая важная, обусловливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, это — восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости.

Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его притти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или какихлибо других причин,—неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного суб'екта... Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера.

Таково же приблизительно положение индивида, составляющего частицу одухотворенной толпы. Он уже не сознает своих поступков, и у него, как у загипнотизированного, одни способности исчезают, другие же доходят до крайней степени напряжения. Под влиянием внушения та-

кой суб'ект будет совершать известные действия с неудержимой стремительностью; в толпе же эта неудержимая стремительность проявляется с еще большей силой, так как влияние внушения, одинакового для всех, увеличивается путем взаимности».

(Стр. 170.) «Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действие внушенные идеи—вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть сам собою и становится автоматом, у которого своей воли не существует».

Я привел эту цитату так подробно для того, чтобы подтвердить, что Лебон действительно считает состояние индивида в толпе гипнотическим, а не только сравнивает его с таковым. Мы не усматриваем здесь никакого противоречия, мы хотим только подчеркнуть, что обе последние причины перемены, происходящей с индивидом в массе, заразительность и повышенная внушаемость, очевидно, не равноценны, так как заразительность тоже есть проявление внушаемости. Нам кажется, что влияние обоих моментов также не резко разграничено в тексте Лебона. Может быть, мы лучше всего истолкуем его мнение, если мы отнесем заразительность за счет влияния отдельных участников массы друг на друга, суггестивные же явления в массе, связанные с феноменами гипнотического воздействия, указывают на другой источник. На какой? У нас должно получиться ощущение неполноты от того, что одна из главных составных частей этого воздействия, а именно: лицо, являющееся для массы гипнотизером, не упомянуто в изложении Лебона. Все-таки он отличает от этого покрытого мраком об-

ворожительного влияния заразительное действие, оказываемое отдельными лицами друг на друга, благодаря которому усиливается первоначальная суггестия.

Лебон указывает еще один важный момент для суждения об индивиде, участвующем в массе. (Стр. 170.) «Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе—это варвар, т.-е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку. Он останавливается особенно еще на понижении интеллектуальной деятельности, которое претерпевает человек благодаря причастности к массе» *).

Оставим теперь индивида и обратимся к описанию массовой души в том виде, в каком она очерчена у Лебона. В этом отношении нет ни одной черты, происхождение и выявление которой представило бы трудности для психоаналитика. Лебон сам указывает нам путь, отмечая аналогию с душевной жизнью первобытных людей и детей. (Стр. 176.)

Масса импульсивна, изменчива, раздражительна. Ею руководит почти исключительно бессознательная сфера **). Импульсы, которым повинуется масса, могут быть, смотря по обстоятельствам,

---

*) Ср. двустишие Шиллера.
Ieder, sieht man ihn einzeln, ist leidlich klug und verständlich;
Sind sie in corpore, gleich wird euch ein Dummkopf daraus.

**) Бессознательное правильно употребляется Лебоном в смысле описания там, где оно обозначает не только вытесненное.

благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всяком случае они настолько повелительны, что они побеждают личное и даже инстинкт самосохранения. (Стр. 193). Масса ничего не делает преднамеренно. Если масса даже страстно чего-нибудь хочет, то все-таки это продолжается недолго, она неспособна к длительному хотенью. Она не выносит никакой отсрочки между своим желанием и осуществлением его. У нее есть чувство всемогущества, для индивида в толпе исчезает понятие о невозможном*).

Масса чрезвычайно легко поддается внушению, она легковерна, она лишена критики, невероятное для нее не существует. Она мыслит картинами, которые вызывают одна другую так, как они появляются у индивида в состоянии свободного фантазирования. Они не могут быть измерены никакой разумной инстанцией по аналогии с действительностью. Чувства массы всегда очень просты и чрезмерны. Итак, масса не знает ни сомнений, ни колебаний.

В толковании сновидений, которому мы обязаны наилучшим познанием бессознательной душевной жизни, мы следуем техническому правилу, согласно которому мы не обращаем внимания на сомнения и неуверенность в передаче сновидения и трактуем каждый элемент явного содержания сновидения как нечто вполне достоверное. Мы относим сомнение и неуверенность за счет воздействия цензуры, которой подвергается работа сновидения, и предполагаем, что первичные мысли сновидения не знают сомнений и неуверенности, как вида критической работы. Как содержание, они могут, конечно, иметь место, как и все другое, в дневных остатках, ведущих к сновидению. (См. „Толкование сновидений“, 5. Изд. 1919 г. стр. 386.)

---

*) См. Тотем и табу, III. „Анимизм, магия и всемогущество мыслей“. Психологич. и психоаналитическая библиотека. Выпуск VI, Госиздат, 1924 г., Москва—Ленинград.

Она переходит немедленно к самым крайним действиям; высказанное подозрение превращается у нее тотчас в неопровержимую истину, зародыш антипатии—в дикую ненависть (стр. 186).

Такое же повышение всех эмоциональных побуждений до крайности, до безграничности характерно для аффективности ребенка; оно повторяется в жизни сновидения, где, благодаря господствующему в бессознательном изолированию отдельных эмоциональных побуждений, легкая досада днем проявляется в виде пожелания смерти виновному лицу, а намек на какое-либо искушение превращается в причину преступного действия, изображенного в сновидении. Д-р Hans Sachs сделал отличное замечание по этому поводу: „То, что сновидение сообщило нам о наших взаимоотношениях с настоящей действительностью, то мы затем находим в сознании, и нас не должно удивить, если мы находим чудовище, виденное нами под увеличительным стеклом анализа, в виде инфузории“. (См. „Толкование сновидений“.)

Склонная сама ко всему крайнему, масса возбуждается только чрезмерными раздражениями. Тот, кто хочет влиять на нее, не нуждается ни в какой логической оценке своих аргументов; он должен рисовать самые яркие картины, преувеличивать и повторять все одно и то же.

Так как масса не сомневается в истинности или ложности своих аргументов и имеет при этом сознание своей силы, то она столь же нетерпима, как и доверчива к авторитету. Она уважает силу и мало поддается воздействию доброты, означающей для нее лишь своего рода слабость. Она требует от своих героев силы, и даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели, чтобы ее подавляли. Она хочет бояться своего властелина. Будучи в основе чрезвычайно консервативна, она питает глубокое отвращение ко всем новшествам и успехам—и безграничное благоговение перед традицией (стр. 189).

Чтобы иметь правильное суждение о нравственности масс, нужно принять во внимание, что при совокупности индивидов, составляющих массу, отпадают все индивидуальные задержки; и все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в человеке как пережиток первобытных времен, пробуждаются для свободного удовлетворения влечений. Но массы способны под влиянием внушения и на поступки высшего порядка: отречение, преданность идеалу, бескорыстие. В то время как у индивида личная выгода является очень сильной, почти единственной двигательной пружиной, у масс она очень редко выступает на первый план. Можно говорить об облагораживающем действии массы на индивида.

(Стр. 192.) В то время как интеллектуальная деятельность массы всегда далеко отстает от интеллектуальной деятельности индивида, ее поведение в этическом отношении может: либо значительно превосходить поведение индивида, либо далеко отставать от него.

Некоторые другие черты характеристики, данной Лебоном, проливают свет на правильность отождествления массовой души с душой первобытных людей. У масс могут существовать и уживаться на-ряду друг с другом самые противоположные идеи без того, чтобы из их логического противоречия рождался конфликт. Но то же самое имеет место в бессознательной душевной жизни отдельных людей, детей и невротиков, как это было уже давно доказано психоанализом.

У маленького ребенка существуют, например, в течение очень долгого времени амбивалентные установки чувствований в отношении к самому близкому лицу без того, чтобы одна из них мешала проявлению другой, ей противоположной. Если дело доходит, наконец, до конфликта между обеими установками,

то он разрешается таким образом, что ребенок меняет об'ект, передвигая одно из амбивалентных чувствований на замещающий об'ект. Из истории развития невроза у взрослого можно также узнать, что подавленное чувствование часто продолжает существовать в течение долгого времени в бессознательных или даже сознательных фантазиях, содержание которых, разумеется, прямо противоречит господствующему стремлению, без того, чтобы из этой противоположности родился протест „Я" против того, что оно отвергает. Фантазия в течение некоторого времени терпима, пока внезапно—обычно вследствие повышения аффективного состояния—не рождается конфликт между нею и „Я" со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В процессе развития от ребенка до взрослого человека дело вообще доходит до все больше и больше распространяющейся интеграции личности, до об'единения отдельных влечений и целевых устремлений, выросших в ней независимо друг от друга. Аналогичный процесс в области сексуальной жизни издавна уже известен нам как об'единение всех сексуальных влечений в окончательную генитальную организацию. (Три статьи о теории полового влечения. Психотерапевтическ. библиот., вып. III, Москва, кн-во „Наука", 1911). Многочисленные известные нам примеры показывают, впрочем, что об'единение „Я", как и об'единение либидо, может потерпеть неудачу: таковы примеры естествоиспытателей, продолжающих верить в священное писание и др.

Далее масса подвержена поистине магической силе слова, вызывающего в массовой душе ужаснейшие бури и способного также успокоить ее. (Стр. 235.) «Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением,—и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются». Стоит только вспомнить при этом табу имен у первобытных народов и те магические силы, которые они связывают с именами и словами*).

*) См. Тотем и табу.

И наконец: массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться. Ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным, несуществующее оказывает на них столь же сильное влияние, как и существующее. У них есть явная тенденция не делать разницы между ними (стр. 203).

Мы показали, что это преобладание фантастической жизни и иллюзий, возникающих в результате неисполненного желания, является определяющим началом для психологии неврозов. Мы нашли, что для невротика имеет силу не обычная об'ективная реальность, а психическая реальность. Истерический симптом основывается на фантазии и не воспроизводит действительного переживания; навязчивое невротическое сознание своей вины основано на факте злого намерения, которое никогда не было осуществлено. Как в сновидении и в гипнозе, так и в душевной деятельности массы принцип реальности отступает на задний план перед силой аффективно напряженных желаний.

То, что Лебон говорит о вождях массы, менее исчерпывающе, и в нем нельзя уловить определенной закономерности. Он полагает, что как только живые существа соберутся в некотором количестве,—независимо от того, будет ли это стадо животных или толпа людей,—они инстинктивно подчиняются авторитету вождя (стр. 247). Масса—это послушное стадо, не могущее жить без властелина. В ней настолько сильна жажда повиновения, что она инстинктивно покоряется тому, кто об'являет себя ее властелином.

Если в массе имеется потребность в вожде, то он должен все-таки обладать соответствующими личными качествами. Он должен сам горячо верить (в идею), чтобы будить веру в массе;

он должен обладать сильной импонирующей волей, передающейся от него безвольной массе. Затем Лебон обсуждает различные виды вождей и приемы, с помощью которых они влияют на массы. В общем он считает, что вожди оказывают свое влияние благодаря идеям, к которым они сами относятся фанатически.

Этим идеям, равно как и вождям, он приписывает сверх того таинственную непреодолимую силу, которую он называет «престижем» (обаянием). Престиж, это—род господства над нами индивида, идеи или вещи. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу почтением и удивлением. Оно может вызвать чувство подобное гипнотическому ослеплению (стр. 259).

Он различает приобретенный или искусственный и личный престиж. Первый—доставляется именем, богатством, репутацией; престиж (обаяние) мнений, литературных и художественных произведений создается путем традиций. Так как во всех случаях он имеет корни в прошлом, то он дает мало материала для понимания этого загадочного влияния. Личным престижем обладают немногие лица, которые благодаря ему становятся вождями; все подчиняется им как-будто под влиянием магнетического очарования. Однако всякий престиж зависит также и от успеха и может исчезнуть под влиянием неудачи (стр. 268).

Мы не получаем впечатления, что у Лебона роль вождя и значение престижа приведены в правильную связь со столь блестящим описанием массовой души.

III.

Другие оценки коллективной душевной жизни.

Мы воспользовались изложением Лебона как введением, так как оно, придавая большое значение бессознательной душевной жизни, вполне совпадает с нашими собственными психологическими взглядами. Но мы должны сказать, что собственно ни одно из положений этого автора не является чем-то новым. Все обезличивающее и унижающее, что он говорит о проявлениях массовой души, было уже высказано до него другими авторами с такой же определенностью и такой же враждебностью; все это неоднократно уже повторялось с древнейших времен литературы мыслителями, государственными людьми и поэтами.*) Оба положения, в которых заключаются важнейшие взгляды Лебона, положение о коллективном торможении интеллектуальной деятельности и положение о повышении аффективности в массе, были недавно формулированы Сигеле. **) Особенностями изложения Лебона остаются только обе точки зрения бессознательного и сравнения с душевной жизнью первобытных народов. Но и они, конечно, затрагивались часто до него.

Но больше того: описание и оценка массовой души в том виде, в каком их дают Лебон и

---

*) См. текст и указатель литературы в „Psychologie der Kollektivitäten“ B. Kraškovič (младший). Перевод с кроатского Siegmund von Posavec'a Vukovar 1915.

**) См. Walter Moede, „Die Massen-und Sozialpsychologie im kritischen Überblick“, Zeitschrift fur pädagogische Psychologie und experimentelle Pädagogik von Meumann und Scheibner, XVI, 1915.

другие авторы, отнюдь не остались незыблемыми. Нет никакого сомнения в том, что все эти раньше описанные феномены массовой души были правильно подмечены; но можно отметить также и другие, диаметрально противоположные проявления массы, на основании которых можно дать гораздо более высокую оценку массовой души.

Уже Лебон был готов признать, что при некоторых обстоятельствах нравственность массы может быть выше, чем нравственность составляющих ее индивидов, и что только толпа способна на огромное бескорыстие и самопожертвование.

(Стр. 193.) «Личный интерес очень редко бывает могущественным двигателем в толпе, тогда как у отдельного индивида он занимает первое место».

Другие считают, что вообще лишь общество является инстанцией, предписывающей индивиду нормы нравственности, в то время, как отдельный человек обычно отстает в каком-нибудь отношении от этих больших требований, или что в исключительных состояниях в толпе осуществляется феномен воодушевления, благодаря которому возможны прекрасные поступки масс.

Правда, в отношении интеллектуальной деятельности следует признать, что важнейшие результаты мыслительной работы, открытия, повлекшие за собой большие последствия, разрешение проблем—все это доступно только индивиду, работающему в уединении. Но и массовая душа способна на гениальное духовное творчество, как это доказывает прежде всего язык, затем народная песня, фольклор и т. д. А кроме того, неизвестно, сколько мыслителей и поэтов обязаны своими побуждениями той массе, в которой они живут; может быть, они являются скорее исполнителями ду-

ховной работы, в которой одновременно участвуют другие.

Ввиду этих явных противоречий кажется, что работа массовой психологии должна остаться безрезультатной. Однако легко найти выход, дающий нам надежду благополучно разрешить задачу. Под массами, вероятно, понимали самые различные образования, нуждающиеся в обособлении. Изложение Сигеле, Лебона и др. авторов относятся к недолговечным массам, образующимся наскоро из разнородных индивидов, об'единенных преходящим интересом. Несомненно, что характер революционных масс, в особенности Великой Французской Революции, оказал влияние на их описание. Противоположные утверждения основаны на оценке тех стабильных масс или тех обществ, в которых люди проводят свою жизнь, которые воплотились в общественные институты. Массы первого рода относятся ко вторым так, как короткие, но высокие волны—к длинным волнам, образующимся на мелких местах.

Mc Dougall, исходящий в своей книге „The Group Mind“ *) из этого же самого вышеупомянутого противоречия, находит его разрешение в организующем моменте. В простейшем случае, говорит он, масса (group) не имеет вообще никакой организации или имеет организацию, не заслуживающую внимания. Он обозначает такую массу как толпу (cro) Однако он признает, что толпа людей собирается не легко без того, чтобы в ней не образовались, по крайней мере, первые начала организации, что именно в этих простых массах особенно легко подметить некоторые основные факты коллективной психологии (стр. 22). Для

*) Cambridge, 1920.

того, чтобы из случайно собравшихся участников человеческой толпы образовалось нечто вроде массы в психологическом смысле, необходимым условием является некоторая общность индивидов друг с другом: общий интерес к об'екту, однородное чувство в определенной ситуации и (я сказал бы, вследствие этого) известная степень способности оказывать влияние друг на друга. (Some degree of reciprocale influence between the membres of the group) (стр. 23). Чем сильнее эта общность тем легче образуется из отдельных людей психологическая масса и тем поразительнее проявляется демонстрация массовой души.

Удивительнейшим и в то же время важнейшим феноменом массы является повышение аффективности, возникающее у каждого индивида (exaltation or intensification of emotion) (стр. 24). По мнению Mc Dougall'a, можно сказать, что едва ли при других условиях аффекты человека достигают такой величины, как это имеет место в массе, и, таким образом, участники испытывают приятное ощущение, теряя чувство своего индивидуального обособления, отдаваясь безгранично своим страстям и сливаясь при этом с массой. Это увлечение индивидов Mc Dougall об'ясняет, исходя из так названного им „principle of direct induction of emotion by way of the primitive sympathetic response“ (стр. 25), т.-е. из уже известной нам заразительности чувств. Суть заключается в том, что заметные признаки аффективного состояния способны вызвать автоматически тот же аффект у наблюдающего лица. Этот автоматический гнет будет тем сильнее, чем у бо́льшего числа людей наблюдается одновременно этот аффект. Тогда у индивида замолкает критика, и он дает вовлечь себя в этот аффект. Но при этом он повышает возбу-

ждение других индивидов, повлиявших на него, и таким образом повышается аффективный заряд отдельных индивидов путем взаимной индукции. При этом, несомненно, действует нечто вроде навязчивой идеи сравниться с другими, действовать заодно со многими. Более грубые и более простые чувствования имеют больше шансов распространиться таким путем в массе (стр. 39).

Этому механизму повышения аффекта благоприятствуют еще некоторые другие, исходящие из массы, влияния. Масса производит на индивида впечатление неограниченной силы и непобедимой опасности. Она на одно мгновение становится на место всего человеческого общества, являющегося носителем авторитета, чьих наказаний боятся, в угоду которому накладывают на себя столько задержек. Иногда опасно находиться в противоречии с ней и, наоборот, безопасно следовать окружающим примерам и, если нужно, то даже «выть по-волчьи». Повинуясь этому новому авторитету, нужно выключить из деятельности свою прежнюю «совесть» и поддаться при этом заманчивой перспективе получения удовольствия, являющегося результатом упразднения задержек. Следовательно, в общем не так уже поразительно, когда мы слышим, что индивид в массе совершает такие вещи, от которых он отвернулся бы в своих обычных жизненных условиях, и мы можем даже надеяться, что мы таким путем прольем некоторый свет на ту темную область, которую обычно окутывают загадочным словом «внушение».

Mc Dougall тоже не противоречит против положения о коллективной задержке интеллектуальной деятельности в массе (стр. 41). Он говорит, что более низкий интеллект снижает до своего

уровня более высокий; последний тормозится в своей деятельности, так как повышение аффективности вообще создает неблагоприятные условия для правильной умственной работы, так как индивиды запуганы массой, и их мыслительная работа несвободна, и так как у каждого индивида уменьшено сознание ответственности за свои поступки.

Общее мнение о психической деятельности у простой «не организованной» массы звучит у M[c] Dougall'a не более дружественно, чем у Лебона (стр. 45): она чрезвычайно возбудима, импульсивна, страстна, непостоянна, непоследовательна, нерешительна и при этом очень легко переходит к крайностям; ей доступны только более грубые страсти и более простые чувствования; она чрезвычайно внушаема, легкомысленна в своих рассуждениях, стремительна в своих мнениях, восприимчива только к простейшим и несовершеннейшим выводам и аргументам. Ее легко направлять и устрашать, у нее нет сознания виновности, самоуважения и чувства ответственности, но она готова перейти от сознания своей силы ко всяким преступлениям, которых мы можем ожидать лишь от абсолютной и безответственной силы. Итак, она ведет себя скорее как невоспитанный ребенок или как страстный, вырвавшийся на свободу дикарь в чуждой ему ситуации; в худших случаях поведение массы похоже больше всего на поведение стада диких зверей, чем на толпу людей.

Так как M[c] Dougall противопоставляет поведение высокоорганизованных масс изображенному здесь поведению, то нам будет особенно интересно узнать, в чем состоит эта организация и какими моментами она создается. Автор насчи-

тывает пять таких „principal conditions“ для поднятия душевной жизни массы на более высокий уровень.

Первым основным условием является определенная степень постоянства в составе массы. Это постоянство может быть материальным или формальным; первое—когда одни и те же лица остаются в течение продолжительного времени в массе, второе—когда внутри массы существуют определенные роли, распределяющиеся между сменяющими друг друга лицами.

Второе условие: у индивида, входящего в массу, образуется определенное представление о природе, функции, деятельности и требованиях массы, и результатом этого может, таким образом, явиться чувство отношения к массе в целом.

Третье условие: масса приходит в связь с другими, ей подобными массами, но отличающимися все-таки от нее во многих пунктах, так что она как бы соперничает с ними.

Четвертое условие: масса имеет традиции, обычаи и установления, которые в особенности распространяются на отношения ее соучастников друг к другу.

Пятое условие: в массе существует расчленение, выражающееся в расчленении и дифференцировке работы, выпадающей на долю индивида.

При соблюдении этих условий упраздняются, по мнению Mc Dougall'а психические дефекты масс. От коллективного понижения интеллектуальной деятельности предохраняют себя тем, что не предоставляют массе разрешения интеллектуальных задач, поручая их отдельным лицам, участвующим в массе.

Нам кажется, что условия, которые Mc Dougall считает «организацией» массы, с большим правом

могут быть описаны иначе. Задача заключается в том, чтобы придать массе именно те качества, которые были характерны для индивида и которые сгладились у него в массе. Ибо индивид имел—вне примитивной массы—свое постоянство, свое самосознание, свои традиции и свои привычки, свою особую работоспособность и свою жизненную линию; он был обособлен от других индивидов, с которыми он соперничал. Это своеобразие он потерял на некоторое время благодаря своему вхождению в «не-организованную» массу. Если усмотреть цель в том, чтобы наделить массу атрибутами индивида, то нужно вспомнить о метком замечании W. Trotter'a *), усматривающего в склонности к созданию массы биологическое продолжение многоклеточности всех высших организмов.

IV.

Внушение и либидо.

Мы исходим из основного факта, что индивид претерпевает внутри массы, вследствие ее влияния, изменение в своей душевной деятельности, которое часто бывает глубоким. Его аффективность чрезвычайно повышается; его интеллектуальная деятельность заметно понижается; оба процесса протекают, очевидно, в направлении сравнения с другими индивидами, составляющими массу; осуществление этих процессов может быть достигнуто лишь путем упразднения задержек, свойственных каждому индивиду, и отказом от специфических для него особенностей его влечений.

---

*) „Instincts of the herd in peace and war." London, 1916.

Мы слышали, что эти—часто нежелательные—влияния могут быть (по крайней мере отчасти) предотвращены путем высшей «организации» масс, но основному факту психологии масс, обоим положениям о повышенной аффективности и заторможенности мыслительной деятельности — это нисколько не противоречит. Мы стремимся найти психологическое об‘яснение этому душевному изменению индивида.

Рациональные моменты вроде вышеупомянутого устрашения индивида, следовательно, проявления его инстинкта самосохранения, безусловно, не покрывают наблюдаемых феноменов. Авторы—социологи и психологи, изучавшие массу, всегда предлагали нам в качестве об'яснения одно и то же, хотя и под разными терминами: волшебное слово внушение. У Тарда оно называлось подражанием, но мы должны признать, что прав автор, указывающий, что подражание подпадает под понятие внушения, что оно является его следствием *). У Лебона все необычное в социальных явлениях сводится к двум факторам: к взаимному внушению индивидов и к престижу вождей. Но престиж проявляется опять-таки лишь в способности оказывать существенное влияние. Относительно Mc Dougall'a у нас могло на один момент создаться впечатление, что в его принципе «первичной аффективной индукции» исключается наличность внушения. Но при дальнейшем рассуждении мы должны были все-таки признать, что этот принцип выражает не что иное, как известное положение о «подражании» или «заразительности», но только он сильнее под-

*) Brugeilles, „L'essence du phénomène social: la suggestion“. Revue philosophique XXV. 1913.

черкивает аффективный момент. Несомненно, что у нас существует тенденция впадать в состояние аффекта при виде признаков такого же аффекта у другого человека, но как часто мы с успехом противостоим этой тенденции, подавляем аффект и реагируем часто совершенно противоположным образом. Почему же мы в массе всегда заражаемся этим аффектом? Опять-таки нужно было бы сказать, что суггестивное влияние массы заставляет нас повиноваться этой тенденции подражания и индуцирует в нас аффект. Впрочем, мы уже и раньше видели, что M[c] Dougall не обошелся без суггестии; мы слышим от нею, как и от других: массы отличаются особой внушаемостью.

Итак, мы подготовлены к тому, что внушение (правильнее: внушаемость) является первоначальным феноменом, не поддающимся разложению, основным фактором душевной жизни человека. Таково мнение и Bernheim'a удивительному искусству которого я был свидетелем в 1889 году. Но я вспоминаю также о глухой враждебности против этого насилия суггестии. Когда на больного, не поддававшегося внушению, закричали: «Что же вы делаете? Vous vous contresuggestionnez», то я сказал себе, что это явная несправедливость и насилие. Человек безусловно имеет право сопротивляться внушению, когда его пытаются подчинить этим путем. Мое сопротивление приняло потом направление протеста против того, что внушение, которым об'ясняли все, само не имело об'яснения. Я повторял применительно к внушению старый шутливый вопрос*):

Christoph trug Christum,
Christus trug die ganze Welt,

---

*) Konrad Richter „Der deutsche S. Christoph". Berlin. 1896. Acta Germanica V, 1.

Sag', wo hat Christoph
Damals hin den Fuss gestellt *)?

Christophorus Christum, sed Christus sustulit orbem:
Constiterit pedibus dic ubi Christophorus?

Когда я спустя 30 лет опять подошел к загадке внушения, я нашел, что в ней ничего не изменилось. Я могу это утверждать, считая единственным исключением влияние психоанализа. Я вижу, что все усилия были направлены на правильную формулировку понятия суггестии, следовательно, на то, чтобы условно определить применение термина **), и это не лишне, так как это слово получает все большее и большее применение в искаженном смысле и будет вскоре обозначать какое угодно влияние, как в английском языке, где „to suggest, suggestion“ соответствует нашему выражению „я предлагаю“ („nahelegen“, „Anregung“). Но об'яснения сущности внушения, т.-е. условий, при которых создается воздействие без достаточных логических оснований, не существует. Я не уклонился бы от задачи подтвердить это положение анализом литературы за последние 30 лет, но я этого не делаю, так как мне известно, что в настоящее время подготовляется подробное исследование, поставившее себе ту же задачу.

Вместо этого я сделаю попытку применить понятие либидо для об'яснения психологии масс, понятие, оказавшее нам столько услуг при изучении психоневрозов.

Либидо—это выражение, взятое из учения об аффективности. Мы называем этим термином энер-

---

*) Христофор несет Христа, Христос несет весь мир Скажи же, куда Христофор поставил тогда свою ногу?

**) Mc Dougall в „Journal of Neurology and Psychopathology“. Vol 1, № 1, May 1920. A note on suggestion“.

гию таких влечений, которые имеют дело со всем тем, что можно охватить словом любовь. Эта энергия рассматривается, как количественная величина, хотя в настоящее время она еще не может быть измерена. Ядром понятия, называемого нами любовью, является то, что вообще называют любовью и что воспевают поэты, т.-е. половая любовь, имеюшая целью половое соединение. Но мы не отделяем от этого понятия всего того, что причастно к слову любовь: с одной стороны, себялюбие, с другой стороны—любовь к родителям и к детям, дружба и всеобщее человеколюбие, а также преданность конкретным предметам и абстрактным идеям. Оправданием этому являются результаты психоаналитического исследования, доказавшего, что все эти стремления являются выражением одних и тех же влечений, направленных к половому соединению между различными полами, хотя в других случаях эти влечения могут не быть направлены на сексуальную цель или могут воздержаться от ее достижения, но при этом они всегда сохраняют достаточную часть своей первоначальной сущности, чтобы в достаточной мере сберечь свою идентичность (самопожертвование, стремление к близости).

Итак, мы полагаем, что язык создал в своих многообразных применениях слова «любовь» чрезвычайно правильную связь и что мы не можем сделать ничего лучшего, чем положить эту связь в основу наших научных рассуждений и описаний. Этим решением психоанализ вызвал бурю негодования, как будто он был виною преступного новшества. И тем не менее психоанализ не создал ничего оригинального этим «распространенным» пониманием любви. «Эрос» философа Платона целиком совпадает в своем происхождении

работе и отношении к половому акту с любовной силой, с либидо психоанализа, как указали Nachmansohn и Pfister каждый в отдельности*), и когда апостол Павел прославляет в знаменитом письме к карфагенянам любовь больше всего, то он, вероятно, понимал ее в таком именно «распространенном» смысле**). Из этого можно сделать только тот вывод, что люди не всегда понимают всерьез своих великих мыслителей, даже тогда, когда они якобы благоговеют перед ними.

Эти любовные влечения называются в психоанализе a potiori и по своему происхождению сексуальными влечениями. Многие «образованные» люди воспринимают это наименование как оскорбление; они отомстили за него, бросив психоанализу упрек в «пансексуализме». Кто считает сексуальность чем-то постыдным и унизительным для человеческой природы, тому вольно пользоваться более благозвучными выражениями эрос и эротика. Я сам мог бы поступить таким же образом и этим самым избавился бы от многих возражений; но я не сделал этого, потому что не хотел уступать малодушию. Неизвестно, к чему это привело бы; сначала уступают на словах, а потом мало-по-малу и на деле. Я не нахожу никакой заслуги в том, чтобы стыдиться сексуальности; греческое слово эрос, которое должно смягчить позор, является, в конце концов, не чем иным, как переводом слова «любовь», и, на-

---

*) Nachmansohn, „Freuds Libidotheorie verglichen mit der Eroslehre Platos.“ Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse III, 1915 Pfister ebd. VII, 1921.

**) „Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я—медь звенящая или кимвал звучащий,“ и т. д.

конец, кто может выжидать, тому нет нужды делать уступки.

Итак, мы попытаемся предположить, что любовные отношения (индифферентно говоря: эмоциональные привязанности) (Gefühlsbindungen), составляют сущность массовой души. Вспомним, что об этом нет и речи у авторов. То, что соответствует любовным отношениям, скрыто, очевидно, за ширмой внушения. Два соображения подкрепляют наше предположение: во-первых, масса об'единена, очевидно, какой-то силой. Но какой силе можно приписать это действие, кроме эроса, об'единяющего все в мире? Во-вторых, получается такое впечатление, что индивид, отказываясь от своей оригинальности в массе и поддаваясь внушению со стороны других людей, делает это, потому что у него существует потребность скорее находиться в согласии с ними, чем быть в противоречии с ними, следовательно, он делает это, быть может, «им в угоду» („ihnen zuliebe“) *).

V.

Две искусственные массы: церковь и войско.

Относительно морфологии масс мы помним, что можно различать очень многие виды масс и самые противоположные направления в принципе их классификации.

Есть массы, существующие очень непродолжительное время и существующие очень долго; гомогенные массы, состоящие из однородных инди-

---

*) В дословном переводе „ihnen zuliebe“ означает: „из любви к ним“ (Я. К.).

видов, и негомогенные; естественные массы и искусственные, требующие для своего сохранения внешнего насилия, примитивные массы и расчлененные, высоко организованные. Но из некоторых соображений, цель которых еще скрыта, мы хотели бы придать особое значение делению, которому у авторов уделено слишком мало внимания; я имею в виду массы без вождей и массы, имеющие вождей. В противоположность обычному навыку наше исследование берет исходным пунктом не простую относительно массу, а высоко-организованные, долго существующие, искусственные массы. Интереснейшими примерами таких образований являются: церковь—община верующих, и армия—войско.

Церковь и войско суть искусственные массы; чтобы сохранить их от распада и предупредить изменения в их структуре, применяется определенное внешнее насилие. Обычно не справляются и не предоставляют человеку свободного права на вступление в такую массу. Попытка выступления из нее обычно преследуется или связана с совершенно определенными условиями. Почему эти общественные образования нуждаются в таких особых обеспечивающих мероприятиях—этот вопрос выходит в настоящее время за пределы наших интересов. Нас интересует одно лишь обстоятельство: в этих высокоорганизованных массах, защищенных таким путем от распада, можно очень ясно подметить определенные соотношения, которые в другом месте скрыты гораздо глубже.

Что касается церкви—нам выгодно было бы взять за образец католическую церковь, — то в ней, как и в войске (несмотря на то, что массы эти столь различные), существует одно и то же ложное убеждение (иллюзия), что глава—в като-

лической церкви Христос, в армии—главнокомандующий—любят одинаково всех индивидов, входящих в массу. От этой иллюзии зависит все; если она исчезнет, тогда немедленно, поскольку позволят внешние условия, распадутся как церковь, так и войско. Относительно этой одинаковой любви Христа сказано прямо: «истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне». Он относится к каждому из индивидов, составляющих массу, как добрый старший брат, он заменяет им отца. Все требования, пред'являемые к индивидам, являются производными этой любви. Церковь отличается демократизмом именно потому, что перед Христом все равны, все пользуются в одинаковой мере его любовью. Не без глубокого основания однородность христианской общины сопоставляется с семьей, и верующие называют себя братьями во Христе, т.-е. братьями по любви, уделяемой им Христом. Несомненно, что связь каждого индивида с Христом является и причиной их привязанности друг к другу. То же относится и к войску; главнокомандущий—это отец, одинаково любящий всех своих солдат, и в силу этого они об'единены друг с другом товарищеской привязанностью. Войско отличается по структуре от церкви тем, что оно состоит из ступеней таких масс. Каждый командир является как бы начальником и отцом своей части, каждый унтер-офицер—своего взвода. Правда, такая иерархия создана и в церкви, но она не играет в ней такой экономической роли, так как Христу приписывают больше понимания и заботливости об индивиде, чем человеку-главнокомандующему.

Против этого толкования либидинозной структуры армии могут справедливо возразить, что здесь не отведено место идеям родины, национальной славы

и т. д., являющимся весьма значительным об'единяющим фактором для армии. Но это—другой, не столь уже простой случай массы, и, как показывают примеры великих полководцев (Цезарь, Валленштейн, Наполеон), такие идеи не необходимы для прочности армии. О возможности замены вождя руководящей идеей и о соотношениях между вождем и идеей будет речь в дальнейшем. Пренебрежение этим либидинозным фактором в армии (даже в том случае, если не он один играет организующую роль) является не только теоретическим дефектом, но грозит опасностью и в практическом отношении. Прусский милитаризм, который был так же не психологичен, как и немецкая наука, должен был, вероятно, узнать это во время великой мировой войны. Военные неврозы, разлагавшие немецкую армию, являются, как известно, протестом индивида против навязанной ему роли в армии, и согласно сообщениям E. Simmel'я *), можно утверждать, что среди мотивов заболевания у простолюдина на первом месте стояло безразличное отношение к нему его начальников. И если бы это либидинозное притязание нашло себе лучшую оценку, то, вероятно, фантастические обещания, содержащиеся в 14 пунктах американского президента, не снискали бы себе так легко веры, и верное оружие не было бы выбито из рук немецких стратегов.

Заметим, что в обеих этих искусственных массах каждый индивид привязан либидинозно, с одной стороны, к вождю (Христос, полководец), а с другой стороны,—к остальным индивидам, входящим в массу. В каком соотношении друг с другом находятся обе эти привязанности, однородны и равноценны ли они, как они должны быть психологически описаны,—этим мы займемся в дальнейшем. Но мы позволяем себе уже сейчас бросить авторам упрек в том, что они недостаточно оценили значение вождя для психологии масс в то время, как мы выбираем его первым об'ектом исследования и поставлены благодаря

*) Kriegsneurosen und „Psychisches Trauma", München, 1918.

этому в более благоприятное положение. Нам кажется, что мы находимся на правильном пути, который может выяснить нам главное проявление массовой психологии, а именно: связанность индивида в массе. Если каждый индивид испытывает столь сильную эмоциональную привязанность в двух направлениях, то нам нетрудно будет вывести из этого соотношения наблюдающуюся перемену и ограничение его личности.

Указание на то, что сущность массы заключается в либидинозных привязанностях, имеющихся в ней, мы находим и в феномене паники, который может быть лучше всего изучен на военных массах. Паника возникает в том случае, если масса разлагается. Ее основная характерная черта заключается в том, что участники массы перестают внимать приказанию начальника, и что каждый человек заботится о себе, не обращая внимания на других. Взаимные привязанности перестали существовать, и возник огромный бессмысленный страх. Разумеется, и здесь легко возразить, что дело обстоит скорее наоборот: страх якобы так силен, что он превозмогает все рассуждения и привязанности. Mc Dougall (стр. 24) рассматривает даже случай паники (правда, не военной, как пример указанного им повышения аффекта благодаря заразительности (primary induction). Однако это рационалистическое об'яснение здесь совершенно неправильно. Нам нужно об'яснить, почему страх так силен. Размеры опасности не могут быть причиной этого, так как та же самая армия, которая охвачена теперь страхом, может смело устоять против таких и еще больших опасностей; и для сущности паники характерно, что она не стоит ни в каком отношении к грозящей опасности, она часто воз-

никает по ничтожным поводам. Когда индивид в паническом ужасе заботится только о самом себе, то это свидетельствует о том, что у него перестали существовать аффективные привязанности, уменьшавшие для него до этого времени размеры опасностей. Так как он противостоит теперь опасности сам, один, отдельно от всех, то, разумеется, он ее преувеличивает. Следовательно, дело обстоит так, что панический страх предполагает ослабление либидинозной структуры массы и является правильной реакцией на это ослабление, а не наоборот, что либидинозные привязанности массы якобы разрушились от страха перед опасностью.

Эти замечания отнюдь не противоречат утверждению, что страх принимает в массе чудовищные размеры благодаря индукции (заразительности). Интерпретация Mc Dougall'я очень верна для тех случаев, когда опасность реально велика, и когда в массе не существует сильных эмоциональных привязанностей. Эти условия осуществляются в том случае, если, например, в театре или в цирке вспыхнет пожар. Поучительным и пригодным для наших целей случаем является вышеупомянутый случай паники в армии, когда опасность не превышает обычных размеров, часто повторявшихся и не вызывавших паники. Не следует думать, что слово „паника" употребляется в строго и точно определенных случаях. В одних случаях им обозначается всякий массовый страх, в других—страх одного человека, если страх этот безграничен; часто этот термин сохраняется и в том случае, если вспышка страха не оправдывается вызвавшим его поводом. Если мы возьмем слово „паника" в смысле массового страха, то мы сможем провести далеко идущую аналогию. Страх индивида вызывается либо величиной опасности, либо уничтожением эмоциональных привязанностей (Libidobesetzungen); последний случай является примером невротического страха (см. лекции по введению в психоанализ, 25-я лекция. Психолог, и психоаналит. Библиотека, Гос. Издат. Москва—Петроград 1922). Так же возни-

кает и паника благодаря повышению грозящей всем опасности или благодаря исчезновению об'единяющих массу эмоциональных привязанностей, и этот последний момент аналогичен невротическому страху. (Ср. содержательную, несколько фантастическую статью Bela v. Felszeghy: Panik und Pankomplex, „Imago", VI, 1920.)

Если описывать панику (как это делает Mc Dougall, l. c.), как одно из самых ярких проявлений „group mind'a", то получается парадокс: массовая душа в одном из своих поразительнейших проявлений сама себя упраздняет. Нет никакого сомнения в том, что паника означает разложение массы; ее следствием является уничтожение всякой общности, существовавшей раньше между индивидами, составлявшими массу.

Типический повод для возникновения паники очень похож на то, как он изображен в пародии Nestroy'a на драму Hebbel'я об Юдифи и Олоферне. Там воин кричит: «Полководец потерял голову», и после этого все ассирияне обращаются в бегство. Утрата вождя в каком-либо смысле, разочарование в нем вызывают панику, хотя бы опасность не увеличилась. С исчезновением привязанности к вождю, как правило, исчезают и взаимные привязанности индивидов, составляющих массу. Масса разлетается прахом, как батавская слезка, у которой отломали кончик.

Разложение религиозной массы наблюдать не так легко. Недавно мне попался английский роман из католической жизни, рекомендуемый лондонским епископом, под заглавием: „When it was dark". Роман этот изображает искусно и, на мой взгляд, правильно возможность такого разложения религиозной массы и его последствия. Действие в романе происходит якобы в настоящее время: образовался заговор лиц, враждебных Христу и учению Христа. Заговорщикам удалось найти в Иерусалиме гробницу; в надписи на этой

гробнице Иосиф Аримафейский признается, что он из благоговения тайно унес тело Христа из гроба на третий день после его погребения и похоронил его здесь. Этим была уничтожена вера в воскресение Христа и в его божественное начало. Следствием этого археологического открытия является потрясение европейской культуры и чрезвычайный рост насилий и преступлений. Этот рост преступлений прекращается лишь после того, как был разоблачен заговор фальсификаторов. При предполагаемом здесь разложении религиозной массы на первый план выступает не страх (для которого нет повода), а эгоистические и враждебные импульсы против других лиц. Эти импульсы не могли проявиться раньше благодаря любви, которую питает Христос в одинаковой мере ко всем*). Но вне этой привязанности стоят и во время царства Христа те индивиды, которые не принадлежат к верующей общине, которые не любят Христа и которых он не любит; поэтому религия — хотя бы она и называлась религией любви — должна быть жестока и немилосердна к тем, кто к ней не принадлежит. В основе каждая религия является такой религией любви для всех тех, кого она об'единяет; и каждой религии свойственна жестокость и нетерпимость ко всем тем, кто не является ее последователем. Поэтому не надо делать злобных упреков верующим, как бы это ни было тяжело каждому в отдельности. Неверующим и индифферентным в этом пункте психологически гораздо легче. Если эта нетерпимость не проявляется в настоящее время столь

---

*) Ср. об'яснение подобных же феноменов после исчезновения авторитета родины у P. Wedern'а. „Die vaterlose Gesellschaft“, Wien, Anzengruber—Verlag, 1919.

грубо и столь жестоко, как в прежние века, то из этого едва ли можно сделать вывод о смягчении человеческих нравов. Скорее всего причину этого следует искать в непреложном ослаблении религиозных чувств и зависящих от них либидинозных привязанностей. Если место религиозной массы займет другая масса (в настоящее время это как будто удается социалистической массе), то результатом будет та же самая нетерпимость к вне стоящим, как и во времена религиозных сражений, и если бы различие научных взглядов имело большое значение для массы, то тот же самый результат повторился бы и в этой области.

VI.

Дальнейшие задачи и пути исследования.

Мы исследовали до сих пор две искусственные массы и нашли, что в них господствуют двоякого рода эмоциональные привязанности, из которых одна привязанность—к вождю—кажется более определенной (по крайней мере, для масс), чем другая привязанность, существующая между индивидами, входящими в состав массы.

В морфологии масс еще многое не исследовано и не описано. Необходимо исходить из того положения, что простое сборище людей не есть еще масса до тех пор, пока в ней не создадутся эти привязанности, но нужно признать, что в любом человеческом сборище очень легко возникает тенденция к созданию психологической массы. Необходимо уделить внимание самым разнообразным более или менее постоянным массам, составляющимся по своей воле; нужно изучить условия их возникновения и их распада. Нас прежде

всего интересует различие между массами, имеющими вождя, и массами, не имеющими вождя. Не являются ли массы, имеющие вождя, более первоначальными и более совершенными? Не может ли вождь заменяться иногда идеей, чем-то абстрактным, к чему переходную ступень образуют уже религиозные массы с их невидимым вождем? Не является ли заместителем вождя общая тенденция, желание, в котором принимает участие масса? Эта абстрактная величина может опять-таки в более или менее совершенной форме воплотиться в личность якобы вторичного вождя, и из соотношения между идеей и вождем вытекает интересная разновидность. Вождь или руководящая идея могут также стать, так сказать, негативны; ненависть против определенного лица или института может действовать столь же об'единяюще и создавать такие же эмоциональные привязанности, как и положительные чувства. Затем спрашивается также, действительно ли необходим вождь для сущности массы и т. д.

Но все эти вопросы, отчасти затронутые и в литературе о массовой психологии, не смогут отвлечь нашего внимания от основных психологических проблем, представляющихся нам в структуре массы. Мы прежде всего обратимся к рассуждению, которое приведет нас кратчайшим путем к доказательству того, что характеризующие массу привязанности имеют либидинозное происхождение.

Вспомним о том, как люди вообще ведут себя в аффективном отношении друг к другу. Согласно знаменитому сравнению Шопенгауэра относительно замерзающих дикообразов, ни один человек не переносит слишком интимной близости другого.

„Холодной зимой общество дикообразов теснится близко друг к другу, чтобы защитить себя от замерзания взаимной теплотой. Однако вскоре они чувствуют взаимные уколы, заставляющие их отдалиться друг от друга. Когда же потребность в теплоте опять приближает их друг к другу, тогда повторяется та же беда, так что они мечутся между двумя этими невзгодами, пока не найдут умеренного расстояния, которое они смогут перенести наилучшим образом". (Parerga und Paralipomena, II Teil, XXXI, Gleichnisse und Parabeln.)

Как утверждает психоанализ, каждая интимная эмоциональная связь между двумя лицами, имеющая бóльшую или меньшую длительность (брак, дружба, родительское и детское чувство*) оставляет осадок противоположных враждебных чувств, упраздняющийся лишь путем вытеснения. Более ясно обстоит дело в том случае, когда обе стороны ссорятся между собой, когда каждый подчиненный ропщет против своих начальников. То же самое происходит тогда, когда люди об'единяются в бóльшем количестве. Каждый раз, когда две семьи роднятся благодаря браку, то каждая из них считает, что она лучше и знатнее другой. Из двух расположенных по соседству городов каждый является завистливым конкурентом другого, каждый кантон смотрит презрительно на другой. Родственные племена не долюбливают друг друга, южный немец не выносит северного немца, англичанин злобно говорит о шотландце, испанец презирает португальца. А то, что резкие отличия рождают почти непреодолимую неприязненность галла против германца, арийца против семита, бе-

*) Может быть исключая только отношение матери к сыну, которое, будучи основано на нарцизме, не нарушается позднейшим соперничеством и усиливается вследствие участия в выборе сексуального об'екта.

лого против чернокожего, это давно уже перестало удивлять нас.

Если враждебность направляется против любимого раньше лица, то мы называем это явление амбивалентностью чувства и об'ясняем себе этот случай, вероятно, слишком рациональным образом, а именно—многочисленными поводами к столкновению интересов, а эти поводы всегда имеют место в таких интимных отношениях. В том случае, когда неприязненность и враждебность к чужим людям не замаскированы, мы можем заметить выражение себялюбия, нарцизма, стремящегося к самоутверждению и ведущего себя таким образом, как будто существование отличий от его индивидуальных особенностей приносит с собой критику этих отличий и требование преобразовать их. Почему существует такая большая чувствительность в отношении к этим деталям дифференцировки—мы не знаем; но несомненно, что во всем этом поведении человека дает знать о себе готовность к ненависти, к агрессивности, происхождение которой неизвестно и которой можно приписать элементарный характер.

В недавно (1920) вышедшей в свет книге „Jenseit des Lustprincips" я попытался связать полярность любви и ненависти с предполагаемой противоположностью между стремлением к жизни и к смерти и рассматривать сексульное влечение как чистейший заместитель первого, т.-е. стремления к жизни.

Но вся эта нетерпимость исчезает на короткое или на долгое время при возникновении массы и в самой массе. До тех пор, пока масса существует, индивиды ведут себя в ее пределах так, как если бы они были одинаковы, они мирятся с оригинальностью другой личности, приравнивают себя к ней и не испытывают никакой неприязненности. Такое ограничение нарцизма может быть поро-

ждено, согласно нашим теоретическим взглядам, только одним моментом: либидинозной привязанностью к другим лицам. Себялюбие находит свой предел только в любви к другим людям, в любви к об'ектам*). Тотчас возникает вопрос, не должна ли общность интересов сама по себе и без всякого либидинозного отношения повести к терпимости в отношении к другому человеку и уважению к нему. На это возражение можно ответить, что таким образом все-таки не осуществляется стойкое ограничение нарцизма, так как эта терпимость существует не дольше, чем непосредственная выгода, которую извлекают из соучастия в работе другого человека. Однако практическая ценность этого спорного вопроса меньше, чем можно было бы думать, так как опыт учит нас, что в случае совместной работы обычно создаются между товарищами либидинозные условия, укрепляюшие их взаимоотношения больше, чем выгода, В социальных отношениях людей происходит то же самое, что стало известно психоаналитическому исследованию о ходе развития индивидуального либидо. Либидо направляется на удовлетворение важных жизненных потребностей и выбирает причастных к этому лиц в качестве своих первых об'ектов. И как у индивида, так и в развитии всего человечества только любовь оказала свое воздействие как культурный фактор в процессе перехода от эгоизма к альтруизму. И действительно, половая любовь к женщине на-ряду со всеми вытекающими из нее приневоливаниями щадит все, что приятно женщине, точно так же, как и лишенная

*) См. „Zur Einführung des Narzissmus“, 1914, Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, vierte Folge. 1918. Русск. перевод. Вып. VIII. Психолог. и психоаналит. библиотека

сексуальности, сублимированная гомосексуальная любовь к другому мужчине, рождающаяся из совместной работы.

Итак, если в массе наступают ограничения нарцистического себялюбия, не существующие вне массы, то это является неопровержимым доказательством того, что сущность массы заключается в новообразованных привязанностях участников массы друг к другу.

Но теперь мы настойчиво спросим, какого рода эти привязанности в массе? В психоаналитическом учении о неврозах мы до сих пор занимались почти исключительно исследованием таких любовных влечений к своим об'ектам, которые преследовали прямые сексуальные цели. О таких сексуальных целях в массе, очевидно, не может быть и речи. Мы имеем здесь дело с любовными влечениями, которые хотя и отклонены от своих первоначальных целей, однако оказывают не менее энергичное влияние на массу. В рамках обычного сексуального овладения об'ектом мы уже заметили проявления, соответствующие отклонению влечения от своей сексуальной цели. Мы описали их как определенную степень влюбленности и отметили, что они приносят с собой определенный ущерб человеческому «Я». Этим проявлениям влюбленности мы уделим больше внимания, имея основание ожидать, что мы найдем в них соотношения, которые смогут быть перенесены на привязанности в массе. Но, кроме того, мы хотим знать, является ли этот способ овладения об'ектом в том виде, в каком мы его знаем в половой жизни, единственным видом эмоциональной привязанности к другому человеку, или мы можем принять во внимание еще и другие механизмы. Мы знаем достоверно из психоанализа, что существуют еще другие ме-

ханизмы эмоциональной привязанности, так называемые идентификации; эти процессы недостаточно изучены, они трудно поддаются изложению, и их исследование отдалит нас на некоторое время от изучения массовой психологии.

VII.

Идентификация.

Идентификация известна в психоанализе, как самое раннее проявление эмоциональной привязанности к другому человеку. Она играет определенную роль в развитии Эдипова комплекса. Маленький мальчик проявляет особый интерес к своему отцу. Он хотел бы стать и быть таким, как он, быть на его месте во всех случаях. Мы говорим с уверенностью: отец является для него идеалом. Это отношение не имеет ничего общего с пассивной или женственной установкой к отцу (и к мужчине вообще), оно является, наоборот, исключительно мужским. Оно отлично согласуется с Эпидовым комплексом, подготовке которого оно способствует.

Одновременно с этой идентификацией с отцом мальчик начинает относиться к матери как к об'екту опорного типа. Итак, он проявляет две психологически различные привязанности: к матери—чисто сексуальное об'ектное влечение, а к отцу—идентификацию с идеалом. Обе привязанности существуют некоторое время одна на-ряду с другой, не оказывая взаимного влияния и не мешая друг другу. Вследствие безостановочно прогрессирующего об'единения душевной жизни они, наконец, сталкиваются, и благодаря этому стечению возникает нормальный Эдипов комплекс. Ре-

бенок замечает, что отец стоит на пути к матери; его идентификация с отцом принимает теперь враждебный оттенок и становится идентична желанию занять место отца также и у матери. Идентификация амбивалентна с самого начала, она может служить выражением нежности, равно как и желания устранить отца. Она ведет себя как отпрыск первой оральной фазы либидинозной организации, во время которой внедряют в себя любимый и ценный об'ект путем с'едения и при этом уничтожают его, как таковой. Людоед остается, как известно, на этой точке зрения: он пожирает как своих врагов, так и тех, кого он любит *).

Судьба этой идентификации с отцом потом легко теряется из виду. Может случиться так, что в Эдиповом комплексе происходит изменение в том смысле, что отец при женственной установке принимается за об'ект, от которого прямые сексуальные влечения ожидают своего удовлетворения, и тогда идентификация с отцом становится предтечей об'ектной привязанности к отцу. То же самое относится к маленькой дочери в ее взаимоотношениях с матерью. Отличие такой идентификации с отцом от выбора отца как об'екта легко формулировать. В первом случае отец является тем, чем хотят быть, во втором случае— тем, чем хотят обладать. Итак, отличие заключается в том, относится ли эта привязанность к суб'екту или к об'екту человеческого «Я». Поэтому первая привязанность может существовать еще до выбора сексуального об'екта. Гораздо

*) См. „Три статьи о теории полового влечения" и Abraham; „Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwickelungsstufe der Libido". Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse, IV, 1916, и его же „Klinische Beiträge zur Psychoanalyse". Intern. Psychoanalyt. Bibliothek. Bd. 10, 1921.

труднее наглядно изложить это различие метапсихологически. Нужно только отметить, что идентификация стремится к сформированию своего «Я» по образцу другого человека, который берется за «идеал».

Из более запутанной связи мы выделяем идентификацию при невротическом симптомокомплексе. Маленькая девочка, которую мы наблюдаем, проявляет тот же самый болезненный симптом, что и ее мать, например, тот же самый мучительный кашель. Это может происходить различными путями. Это—либо идентификация с матерью, порожденная Эдиповым комплексом, означающая враждебное желание занять место матери, и этот симптом является выражением любви к отцу, как к об'екту; он реализует замену матери, находясь под влиянием сознания своей виновности: ты хотела быть матерью, теперь ты являешься ею, по крайней мере, в страдании. Это—полный механизм образования истерического симптома. Или же этот симптом идентичен симптому любимого лица. (Так, например, Дора в „Bruchstück einer Hysterieanalyse" имитировала кашель отца); в этом случае мы могли бы описать суть вещей таким образом, что идентификация заняла место выбора об'екта, а выбор об'екта деградировал до идентификации. Мы слышали, что идентификация является самой ранней и самой первоначальной формой эмоциональной привязанности; при наличии образования симптомов, следовательно, вытеснения и при господстве механизмов бессознательного часто происходит так, что выбор об'екта опять становится идентификацией, т.-е., что «Я» берет на себя качества об'екта. Интересно отметить, что «Я» копирует при идентификациях иногда любимое лицо, а иногда—нелю-

бимое. Нам должно также притти в голову, что в обоих случаях идентификация является только частичной, в высшей степени ограниченной, что она заимствует лишь одну черту об'ектного лица.

Третьим особенно частым и важным случаем образования симптома является тот случай, когда идентификация совершенно не обращает внимания на об'ектное соотношение к лицу, которое она копирует. Когда, например, девушка, живущая в пансионате, получает письмо от своего тайного возлюбленного, возбуждающее ее ревность, и реагирует на него истерическим припадком, то некоторые из ее подруг, знающие об этом, заражаются этим припадком, как мы говорим, путем психической инфекции. Здесь действует механизм идентификации, происходяшей на почве желания или возможности находиться в таком же положении. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и соглашаются под влиянием сознания своей виновности также и на связанное с ней страдание. Было бы неправильно утверждать, что они присваивают себе этот симптом из сострадания. Наоборот, сострадание возникает лишь из идентификации, и доказательством этого является тот факт, что такая инфекция или имитация возникает и при таких обстоятельствах, когда предшествующая симпатия меньше той, которая имеет обычно место между подругами по пансионату. Одно «Я» почувствовало в другом существенную аналогию в одном пункте, в нашем примере—в одной и той же готовности к чувству; на основании этого создается идентификация в этом пункте, и под влиянием патогенной ситуации идентификация передвигается на симптом, продуцируемый человеческим «Я». Идентификация через симптом становится, таким образом, признаком скрытого места

у обоих «Я», которое должно было бы быть вытеснено.

Мы можем об'единить изученное в этих трех источниках: во-первых, идентификация является самой первоначальной формой эмоциональной привязанности к об'екту, во-вторых, она становится путем регрессии заменою либидинозной привязанности к об'екту, как будто путем интроекции об'екта в «Я», и, в-третьих, она может возникнуть при каждой вновь подмеченной общности с лицом, не являющимся об'ектом полового влечения. Чем значительнее эта общность, тем успешнее должна быть эта частичная идентификация, дающая, таким образом, начало новой привязанности.

Мы догадываемся, что взаимная привязанность индивидов, составляющих массу, является по своей природе такой идентификацией в силу важной аффективной общности, и мы можем предположить, что эта общность заключается в привязанности к вождю. Мы, конечно, далеки от того, чтобы считать проблему идентификации исчерпанной; мы стоим у предверия того, что психология называет «вчувствованием» и что принимает наибольшее участие в нашем понимании чуждого «Я» других лиц. Но мы ограничиваемся здесь ближайшими аффективными проявлениями идентификации и оставляем в стороне ее значение для нашей интеллектуальной жизни.

Психоаналитическое исследование, затронувшее вскользь и более трудные проблемы психозов, может указать нам на идентификацию также и в некоторых других случаях, не совсем доступных нашему пониманию. Два из этих случаев я подробно разберу для наших дальнейших рассуждений.

Генезис мужской гомосексуальности в целом ряде случаев таков: молодой человек был чрезвычайно долго и интенсивно фиксирован на своей матери в смысле Эдипова комплекса. Однако после периода половой зрелости наступает, наконец, время, когда необходимо променять мать на другой сексуальный об'ект. Тогда дело принимает неожиданный оборот: юноша покидает свою мать, он идентифицирует себя с ней, он превращается в нее и ищет теперь об'екты, которые могли бы заменить ему его «Я», которые он мог бы так любить и ласкать, как мать проявляла это к нему. Это—частый процесс, который может быть подтвержден в любом случае и который, разумеется, совершенно независим от какого бы то ни было предположения об органической подкладке и о мотивах этого внезапного изменения. В этой идентификации поразительно ее большее содержание; она видоизменяет человеческое «Я» в крайне важном вопросе, в сексуальном характере, по прототипу существовавшего до сих пор об'екта. При этом самый об'ект покидается: будет ли это окончательно или только в том смысле, что он сохраняется в бессознательной сфере— это не входит в вопросы нашей дискуссии. Идентификация с об'ектом, от которого человек отказался или который утрачен, с целью замены его, интроекция этого об'екта в свое «Я» не является, конечно, новостью для нас. Такой процесс можно иногда наблюдать непосредственно у маленького ребенка. Недавно в „Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse" было опубликовано такое наблюдение: ребенок, чувствовавший себя несчастным вследствие потери котенка, об'яснил, недолго думая, что он теперь сам котенок; он ползал соответствен-

но этому на четвереньках, не хотел есть за столом и т. д.*).

Другой пример такой интроекции об'екта дал нам анализ меланхолии; этот аффект насчитывает среди своих важнейших причин реальную или аффективную утрату любовного об'екта. Основной характерной чертой этих случаев является жестокое самоунижение человеческого «Я» в связи с беспощадной критикой и жестокими самоупреками. Анализ выяснил, что эта критика и эти упреки в сущности относятся к об'екту и являются местью человеческого «Я» этому об'екту. Тень об'екта упала на «Я», сказал я в другом месте. Интроекция об'екта выступает здесь с несомненной очевидностью.

Но меланхолия выявляет и нечто другое, что может быть важным для наших дальнейших разсуждений. Она показывает нам человеческое «Я» разделенным, распавшимся на две части, одна из которых неистовствует против другой. Эта другая часть видоизменена интроекцией, она включает утраченный об'ект. Но и та часть, которая проявляет себя столь свирепо, небезызвестна нам: она включает совесть, критическую инстанцию в «Я», которая и в нормальном состоянии также критически противопоставляет себя «Я», но она никогда не делает этого столь неумолимо и столь несправедливо. Мы уже раньше имели повод (нарцизм, печаль и меланхолия) сделать предположение, что в нашем «Я» развивается такая инстанция, которая может обособиться от остального «Я» и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее «Я»-идеалом и приписали ей функции самона-

---

*) Markuszewicz, „Beitrag zum autistischen Denken bei Kindern Juternat". Zeifschr f. Psychoanalyse VI., 1920.

блюдения, моральной совести, цензуры сновидения и главную роль при вытеснении. Мы сказали, что она является преемником первоначального нарцизма, в котором детское «Я» находило свое самоудовлетворение. Постепенно она восприняла из окружающей среды те требования, которые последняя пред'являла к «Я» и которые «Я» не всегда могло исполнить, и человек, не будучи доволен своим «Я», имел все-таки возможность находить свое удовлетворение в дифференцированном из «Я» «Я»-идеале. Далее, мы установили, что в бреде наблюдения (Beobachtungswahn) становится очевидным распад этой инстанции, и при этом открывается ее происхождение из влияния авторитетов, прежде всего родителей*). Но мы не забыли указать, что размеры отстояния этого «Я»-идеала от актуального «Я» чрезвычайно варьируют для каждого отдельного индивида и что у многих эта дифференцировка внутри «Я» не идет дальше, чем у ребенка.

Но прежде, чем мы сможем применить этот материал для понимания либидинозной организации массы, мы должны принять во внимание другие изменчивые соотношения между об'ектом и «Я».

Мы отлично знаем, что заимствованными из патологии примерами мы не исчерпали сущности идентификации и оставили, таким образом, отчасти незатронутой загадку массы. Здесь должен был бы быть предпринят гораздо более основательный и более полный психический анализ. От идентификации путь ведет через подражание к вчувствованию, т.-е. к пониманию механизма, благодаря которому для нас вообще возможно соприкосновение с душевной жизнью другого человека. И в проявлениях существующей

*) Zur Einführung des Narzissmus l. c. см. русск. перев. Вып. VII Психол. и психоаналит. библиотеки.

идентификации многое надо еще выяснить. Ее следствием является, между прочим, еще то, что человек ограничивает свою аггрессивность по отношению к тому лицу, с которым он себя идентифицирует; человек щадит его и оказывает ему помощь. Изучение таких идентификаций, лежащих, например, в общности кланов, выяснило Robertson'y Smith'y поразительный результат, что они покоятся на признании общей субстанции (Kinship and Marriage, 1885) и поэтому могут быть созданы путем сообща принятой пищи. Эта черта позволяет связать такую идентификацию с конструированной мною в „Тотем и табу" первобытной историей человеческой семьи.

VIII.

Влюбленность и гипноз.

Практика языка даже в своих капризах остается верна какой-то действительности. Хотя она называет «любовью» самые разнообразные эмоциональные отношения, которые и мы теоретически об'единяем под названием «любовь», однако, она потом опять сомневается, является ли эта любовь настоящей, правильной, истинной; она указывает на целую градацию возможностей среди любовных феноменов. Нам также нетрудно будет наблюдать эту градацию.

В целом ряде случаев влюбленность является не чем иным как нахождением со стороны сексуального влечения об'екта для цели прямого сексуального удовлетворения, при чем с достижением этой цели влюбленность угасает; это называют низменной, чувственной любовью. Но, как известно, либидинозная ситуация редко бывает так проста. Уверенность, с какой можно рассчитывать на новое пробуждение только что угасшей потребности, должна, конечно, быть ближайшим

мотивом к тому, чтобы питать к сексуальному об'екту длительное влечение, чтобы «любить» его также в свободные от страсти промежутки.

Из этой замечательной истории развития любовной жизни человека вытекает другой момент. Ребенок находит в первой фазе, заканчивающейся в большинстве случаев к пяти годам, в одном из родителей свой первый любовный об'ект, на котором фиксируются все его сексуальные влечения, требующие удовлетворения. Наступающее затем вытеснение вынуждает ребенка отказаться от большинства этих детских сексуальных целей и оставляет после себя глубокое изменение отношения к родителям. Ребенок остается в дальнейшем привязанным к родителям, но его влечения следует назвать «заторможенными в смысле цели». Чувства, питаемые им, начиная с этого момента, к этим любимым лицам обозначаются как «нежные». Известно, что в бессознательном сохраняются в большей или меньшей степени прежние «чувственные» стремления, так что первоначальный приток влечения продолжает в известном смысле существовать *).

С наступлением половой зрелости развиваются, как известно, новые, очень интенсивные стремления к достижению прямых сексуальных целей. В неблагоприятных случаях они остаются в качестве чувственного потока отделенными от длительных «нежных» эмоциональных направлений. Мы имеем перед собой картину, обе стороны которой так охотно идеализируются некоторыми литературными направлениями. Мужчина проявляет мечтательные склонности к глубокоуважаемым женщинам, которые не привлекают его, однако,

*) См. „Теорию полового влечения“ l. c.

в половом отношении, и он потентент только в отношении к другим женщинам, которых он не «любит», не уважает или даже презирает*). Однако чаще юноше удается синтез лишенной чувственности, небесной любви и чувственной земной любви, и его отношение к сексуальному об'екту характерезуется совместным действием незаторможенных и заторможенных в смысле цели влечений. По количеству заторможенных в отношении цели, нежных влечений можно судить о силе влюбленности в противоположность чисто чувственным желаниям.

В рамках этой влюбленности нам с самого начала бросается в глаза феномен сексуальной переоценки, то обстоятельство, что сексуальный об'ект до некоторой степени не подвергается критике, что все его качества оцениваются выше, чем качества нелюбимых людей или чем качества того же об'екта к тому времени, когда он еще не был любим. При несколько более сильном вытеснении или подавлении чувственных стремлений создается ложное впечатление, что об'ект в силу своих духовных преимуществ любим также и чувственной любовью в то время, как в действительности, наоборот, лишь чувственная любовь награждает его этими преимуществами.

Стремление, создающее в данном случае ошибочное суждение называется и д е а л и з а ц и е й. Благодаря этому же нам облегчается ориентировка. Мы замечаем, что об'ект трактуется как собственное «Я», что, следовательно, при влюбленности на об'ект изливается большая часть нарцистического либидо. При некоторых формах лю-

---

*) „Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens“, Sammlung 4. Folge, 1918. Русск. перев. Вып. VIII. Психолог. и психоаналит. библиотека.

бовного выбора становится даже очевидным, что об'ект служит для замены своего собственного недостигнутого «Я»-идеала. Его любят в силу тех совершенств, к которым человек стремился для своего собственного «Я», и которых он добивается теперь этим окольным путем для удовлетворения своего нарцизма.

Если сексуальная переоценка и влюбленность становятся еще больше, то ясность картины становится еще несомненнее. Влечения, добивающиеся прямого сексуального удовлетворения, могут быть теперь совсем оттеснены, как это обычно происходит при мечтательной любви юношей; «Я» становится все непритязательнее, скромнее; об'ект становится все великолепнее, ценнее. Он овладевает, в конце концов, всей самовлюбленностью «Я», так что самопожертвование «Я» становится естественным следствием. Об'ект, так сказать, поглотил «Я». Черты покорности, ограничения нарцизма, несоблюдения своих интересов имеются налицо в каждом случае влюбленности. В крайнем случае они еще усиливаются и выступают на первый план благодаря оттеснению чувственных влечений.

Это происходит особенно легко в случае несчастной, неудачной любви, так как при каждом сексуальном удовлетворении сексуальная переоценка все же испытывает некоторое понижение. Одновременно с тем, как человек приносит об'екту в «жертву» свое «Я» (эта жертва ничем не отличается от сублимированной жертвы ради абстрактной идеи), целиком отпадают принадлежащие «Я»-идеалу функции. Молчит критика, которая исходила от этой инстанции; все то, что делает и чего требует об'ект, правильно и безупречно. Нет места для совести во всем, том, что со-

вершается в пользу об'екта. В любовном ослеплении человек становится преступником без раскаяния. Вся ситуация укладывается без остатка в формулу: об'ект занял место «Я»-идеала.

Разница между идентификацией и влюбленностью в ее крайних проявлениях, называемых очарованием, рабской покорностью, легко описать. В первом случае «Я» обогатилось качествами об'екта, оно «интроецировало» об'ект, по выражению Ferenczi; во втором случае оно обеднело, принесло себя в жертву об'екту, поставило его на место своей важнейшей составной части. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что такое изложение рождает противоречие, которого на самом деле не существует. Речь идет экономически не об обеднении или обогащении; крайнюю влюбленность тоже можно описать так, что «Я» интроецирует об'ект. Быть может, другое отличие скорее охватит сущность. В случае идентификации об'ект утрачивается или от него отказываются; затем он опять восстанавливается в «Я»; «Я» изменяется частично по прототипу утраченного об'екта. Иногда об'ект сохраняется и, как таковой, переоценивается со стороны и за счет «Я». Но и относительно этого возникает сомнение. Действительно ли твердо установлено, что идентификация предполагает отказ от влечения к об'екту, не может ли существовать отказ при сохранении об'екта? И прежде чем мы вдадимся в дискуссию по поводу этого сложного вопроса, у нас может явиться мысль, что другая альтернатива включает в себе сущность этого положения вещей, а именно: занимает ли об'ект место «Я» или «Я»-идеала.

От влюбленности, очевидно, недалеко до гипноза. Аналогия обоих состояний очевидна; то же

покорное подчинение, податливость, отсутствие критического отношения к гипнотизеру, равно как и к любимому лицу, то же отсутствие личной инициативы. Нет никакого сомнения в том, что гипнотизер занял место «Я»-идеала. Все соотношения при гипнозе лишь более явственны и усилены, так что было бы целесообразнее об'яснять влюбленность при помощи гипноза, чем наоборот. Гипнотизер является единственным об'ектом, никакой другой об'ект не принимается во внимание рядом с ним. «Я» переживает точно во сне все то, чего он требует и что он приказывает, и этот факт напоминает нам о том, что мы не упомянули среди функций «Я»-идеала испытания реальности*). Нет ничего удивительного в том, что «Я» считает всякое ощущение реальным, если психическая инстанция, занимавшаяся прежде испытанием реальности, заступается за эту реальность. Полное отсутствие стремлений с незаторможенной сексуальной целью способствует крайней чистоте проявлений. Гипнотическое отношение является неограниченным влюбленным самопожертвованием при исключении сексуального удовлетворения в то время, как при влюбленности оно только откладывается на время и остается на заднем плане, как целевая возможность в дальнейшем.

Но, с другой стороны, мы можем также сказать, что гипнотическое отношение является (если допустимо такое выражение) массой, состоящей из двух людей. Гипноз не является подходящим об'ектом для сравнения с массой, так как он скорее идентичен с ней. Он изолирует из весьма

---

*) См. „Metapsychologiche Ergänzung zur Traumlehre“, Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, Vierte Folge, 1918. Русск. перев. Вып. III. Психолог. и психоаналит. библиотека.

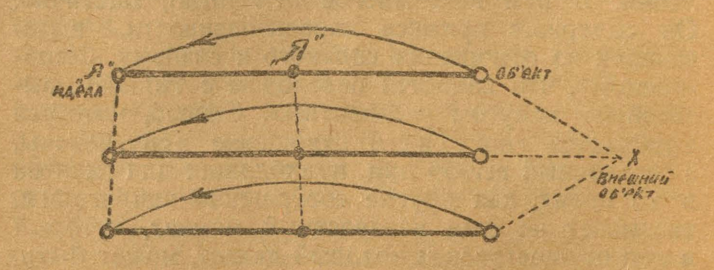
сложной структуры массы один элемент: отношение к вождю. Этим ограничением численности гипноз отличается от массы, от влюбленности же он отличается отсутствием чисто сексуальных стремлений. Он занимает среднее место между тем и другим.

Интересно отметить, что именно заторможенные в смысле цели сексуальные стремления создают длительные привязанности людей друг к другу. Но это легко понять из того факта, что эти стремления неспособны к полному удовлетворению в то время, как незаторможенные сексуальные стремления претерпевают чрезвычайное понижение каждый раз при достижении сексуальной цели. Чувственная любовь предназначена к угасанию, наступающему при удовлетворении, чтобы быть продолжительной, она должна быть с самого начала смешана с чисто нежными, т.-е. заторможенными в смысле цели компонентами, или должна претерпеть такое смешение.

Гипноз разрешил бы нам загадку либидинозной конституции, если бы он сам еще не содержал таких черт, которые не укладываются в рамки данного рационального об'яснения—как влюбленности при исключении чисто сексуальных стремлений. В нем еще многое непонятно, мистично. Он содержит примесь парализованности, вытекающей из отношения сильного к слабому, беспомощному, что является переходом к гипнозу, вызванному испугом у животных. Способ, которым вызывается гипноз и его отношение к сну, неясны, а загадочный выбор лиц, подходящих для гипноза в то время, как другие совершенно непригодны, указывает на еще неизвестный момент, который в нем осуществлен и который делает, может быть, возможным лишь чистоту либидинозных устано-

вок. Достойно внимания, что моральная совесть гипнотизируемого лица может остаться резистентной даже при полной суггестивной податливости в остальном. Но это может происходить потому, что при гипнозе в том виде, в каком он производится в большинстве случаев, может сохраниться знание того, что речь идет только об игре, о ложной репродукции другой, гораздо более важной в жизненном отношении ситуации. !

Предшествующими рассуждениями мы целиком подготовлены к тому, чтобы начертать формулу либидинозной конституции массы, по крайней мере, такой массы, которую мы до сих пор рассматривали, которая, следовательно, имеет вождя и которая не могла приобрести вторично, путем слишком большой «организованности», качеств индивида. *Такая первичная масса является множеством индивидов, поставивших один и тот же об'ект на место своего «Я»-идеала и идентифицировавшихся вследствие этого друг с другом в своем «Я».* Это соотношение может быть выражено графически:

IX.

Стадный инстинкт.

Мы недолго будем радоваться иллюзорному разрешению загадки массы этой формулой. Нас тотчас обеспокоит мысль о том, что мы, в сущности, сослались на загадку гипноза, в котором есть еще так много неразрешенного. И тут возникает новое возражение дальнейшему исследованию.

Мы должны сказать себе, что многочисленные аффективные привязанности, отмеченные нами в массе, вполне достаточны для об'яснения одной из ее характерных черт: недостатка самостоятельности и инициативы у индивида, однородности его реакций с реакциями всех других, его снижения, так сказать, до массового индивида. Но масса проявляет нечто большее, если мы рассмотрим ее как одно целое; черты слабости интеллектуальной деятельности, аффективной незаторможенности, неспособности к обуздыванию и к отсрочке, склонность к переходу границ в проявлении чувств и к полному переходу этих чувств в действия—все это и т. п., так ярко изложенное Лебоном, создает несомненную картину регрессии душевной деятельности до более ранней ступени, какую мы обычно находим у дикарей и у детей. Такая регрессия особенно характерна для обыкновенной массы в то время, как у высоко организованных искусственных масс она, как мы слышали, не может быть глубокой.

Таким образом у нас получается впечатление состояния, в котором отдельные эмоциальные по-

буждения и личный интеллектуальный акт индивида слишком слабы, чтобы проявиться отдельно и обязательно должны дожидаться подкрепления в виде однородного повторения со стороны других людей. Вспомним о том, сколько этих феноменов зависимости относится к нормальной конституции человеческого общества, как мало в нем имеется оригинальности и личного мужества, как сильно каждый человек находится во власти установок массовой души, проявляющейся в расовых особенностях, в сословных предрассудках, общественном мнении и т. д. Загадка суггетивного влияния увеличивается для нас утверждением того факта, что такое влияние оказывается не только вождем, но и каждым индивидом на другого индивида, и мы бросаем себе упрек в том, что мы односторонне подчеркнули отношение к вождю, не обратив никакого внимания на другой фактор взаимного внушения.

Из чувства скромности мы захотим прислушаться к другому голосу, который сулит нам об'яснение, исходящее из более простых основоположений. Я заимствую такое об'яснение из прекрасной книги W. Trotter'a о стадном инстинкте и сожалею лишь о том, что она не вполне избежала антипатии, явившейся результатом последней великой войны*).

Trotter считает описанные душевные феномены массы производным стадного инстинктае (gregariousness), являющегося врожденным как для человека, так и для других видов животных. Эта стадность является биологически аналогией и как бы продолжением многоклеточности; в смысле

*) W. Trotter, „Instincts of the Herd in Peace and War“. London, 1916.

либидинозной теории она является дальнейшим проявлением вытекающей из либидо склонности всех однородных живых существ об'единиться в единицы большого об'ема *). Индивид чувствует себя неполным (incomplete), когда он один. Страх маленького ребенка является уже проявлением этого стадного инстинкта. Противоречие стаду равносильно отделению от него и потому избегается со страхом. Стадо же отрицает все новое, непривычное. Стадный инстинкт является чем-то первичным, неподдающимся дальнейшему разложению (which cannot be split up).

Trotter приводит ряд влечений (или инстинктов), которые он считает первичными: инстинкт самосохранения, питания, половой инстинкт и стадный инстинкт. Последний должен часто противопоставляться другим инстинктам. Сознание виновности и чувство долга являются характерным достоянием gregarious animal. Из стадного инстинкта исходят, по мнению Trotter'а также и вытесняющие силы, которые психоанализ открыл в «Я», а, следовательно, и то сопротивление, с которым сталкивается врач при психоаналитическом лечении. Своим значением язык обязан своей способности дать людям возможность взаимного понимания в стаде, на нем покоится, главным образом, идентификация индивидов друг с другом.

Подобно тому как Лебон в центре своего внимания поставил преимущественно характерные недолговечные массы, а Mc Dougall—стабильные общества, так Trotter сосредоточил свое внимание на самых распространенных об'еди-

*) См. мою работу: „Jenseit des Lustprincips“ 1920.

нениях, в которых живет человек, этот ζωον πολιτικον, и дал им психологическое обоснование. Trotter'у не нужно искать происхождения стадного инстинкта, так как он считает его первичным и неразрешимым. Его примечание, что Boris Sidis считает стадный инстинкт производным внушаемости, к счастью для него излишне; это—об'яснение по хорошо известному, неудовлетворительному шаблону, и обратное положение, гласящее, что внушаемость является производным стадного инстинкта, оказалось для меня более очевидным.

Но против изложения Trotter'а можно с еще большим правом, чем против других, возразить, что оно обращает слишком мало внимания на роль вождя в массе в то время, как мы склонны к противоположному мнению, что сущность массы не может быть понята, если пренебречь вождем. Стадный инстинкт вообще не оставляет места вождю, вождь только случайно приходит в стадо, и в связи с этим стоит тот факт, что из этого инстинкта нет пути к потребности в божестве; стаду недостает пастуха. Но, кроме того изложение Trotter'а можно психологически опровергнуть, т.-е. можно по меньшей мере сделать вероятным, что стадное влечение поддается разложению, что оно не является первичным в том смысле, как инстинкт самосохранения и половой инстинкт.

Разумеется, не легко проследить онтогенез стадного инстинкта. Страх маленького ребенка, оставленного наедине (Trotter толкует его уже как проявление инстинкта), легче допускает другое толкование. Он относится к матери, впоследствии к другим любимым лицам, и является выражением неисполненного желания, с которым ребенок не умеет ничего сделать, кроме превра-

щения его в страх.*) Страх оставленного наедине с самим собою маленького ребенка не уляжется при виде любого человека «из стада»; наоборот, приближение такого «чужого человека» вызовет лишь страх. У ребенка долго не замечают ничего, что говорило бы о стадном инстинкте или о чувстве массы (Massengefühl). Такое чувство образуется лишь в детских, где много детей, из их отношения к родителям, а именно: как начальная зависть, с которой старший ребенок встречает младшего. Старший ребенок хотел бы, конечно, ревниво вытеснить младшего, отдалить его от родителей, лишить его всех прав, но в виду того, что этот ребенок, как и все последующие, одинаково любим родителями, старший ребенок, не имея возможности удержать свою враждебную установку без ущерба для себя, вынужден идентифицировать себя с другими детьми, и в детской среде возникает чувство массы или общности, получающее свое дальнейшее развитие в школе. Первым требованием этого реактивного образования является требование справедливости, одинакового обращения со всеми. Известно, как громко и настойчиво проявляется это требование в школе. Если я сам не могу быть любимчиком, то пусть, по крайней мере, никто не будет любимчиком. Можно было бы считать это превращение и замену ревности чувством массы в детской и в школе чем-то неправдоподобным, если бы тот же самый процесс вновь не наблюдался несколько позже при других соотношениях. Стоит вспомнить о толпе мечтательно влюбленных дам и девиц, теснящихся вокруг певца или пианиста

*) См. лекции по введению в психоанализ, лекция 25, „Страх". Психологич. и психоаналит. библ., Вып. II. Госиздат 1922. Москва, — Ленинград.

после его концерта. Вероятно, каждой из них хотелось бы отнестись ревниво ко всем другим, однако, ввиду их множества и связанной с этим невозможности достичь цели своей влюбленности, они отказываются от этого и вместо того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, они действуют, как единая масса, благоговеющая перед тем, кого они чествуют, проявляя это сообща; они были бы рады поделиться его локоном. Они, первоначальные соперницы, могут идентифицироваться друг с другом, благодаря одинаковой любви к одному и тому же об'екту. Если ситуация, как это обычно бывает, может быть разрешена с помощью инстинкта несколькими способами, то нет ничего удивительного в том, что осуществляется тот исход, с которым связана возможность некоторого удовлетворения в то время, как другой способ, даже более очевидный, не используется, так как реальные соотношения отказывают ему в достижении этой цели.

Дух общественности, esprit de corps и т. д., которые оказывают впоследствии свое действие в обществе, не скрывают своего происхождения из первоначальной зависти. Никто не должен иметь желания выдвинуться, каждый должен быть равен другому, все должны обладать одинаковыми ценностями. Социальная справедливость должна обозначать, что человек сам отказывается от многого для того, чтобы другие тоже должны были отказаться от этого, или—что то же самое—не могли требовать этого. Это требование равенства является корнем социальной совести и чувства долга. Неожиданными образом мы находим его в боязни инфекции у сифилитиков, которую мы поняли благодаря психоанализу. Боязнь этих несчастных является выражением их сопротивления

против бессознательного желания распространить свою инфекцию на других. Ибо почему же они одни должны быть инфецированы и лишены очень многого, а другие—нет? Прекрасная притча о суде Соломона имеет это же самое ядро. Если у одной женщины умер ребенок, то другая тоже не должна иметь живого ребенка. По этому желанию можно было узнать потерпевшую.

Итак, социальное чувство покоится на превращении чувства, бывшего сначала враждебным, в положительно окрашенную привязанность, носящую характер идентификации. Поскольку мы до сих пор проследили этот процесс, оказывается, что это превращение совершается под влиянием обшей нежной привязанности к лицу, стоящему вне массы. Наш анализ идентификации кажется нам самим неисчерпывающим, но для нашей настоящей цели достаточно вернуться к тому положению, что масса требует строгого соблюдения равенства. Мы уже слышали при обсуждении обеих искусственных масс, церкви и армии, что их предпосылкой является одинаковая любовь вождя ко всем участникам массы. Но мы не забываем, что требование равенства, существующее в массе, относится только к ее отдельным членам и не касается вождя. Все участники массы должны быть равны между собою, но все они хотят, чтоб над ними властвовал вождь. Многие равные между собою, могущие идентифицироваться друг с другом и один единственный, превосходящий их всех—такова ситуация, существующая в жизнеспособной массе. Следовательно, мы позволяем себе внести коррекцию в выражение Trotter'а что человек—стадное животное; он является скорее животным орды, участником орды, предводительствуемой вождем.

X.

Масса и первобытная орда.

В 1912 году я согласился с предположением Ч. Дарвина, что первобытной формой человеческого общества была орда, над которой неограничено властвовал сильный самец. Я сделал попытку показать, что судьба этой орды оставила неизгладимые следы в истории человечества, в частности—что развитие тотемизма, охватывающего зачатки религии, нравственности и социального расчленения, связана с насильственным убийством вождя и превращением отцовской орды в братскую общину. *) Правда, это—только гипотеза, как и многие другие предположения, с помощью которых исследователь доисторического периода пытается осветить мрак, окутывающий первобытный период—один снисходительный английский критик (Kroeger) остроумно назвал ее «just so story» — но я думаю, что эта гипотеза заслуживает большего внимания, если она оказывается способной создать связь и понимание в новых областях знания.

Человеческие массы показывают нам опять-таки знакомую картину властного самодержца среди толпы равных между собой товарищей; картина эта содержится и в нашем представлении о первобытной орде. Психология этой массы в том виде, как мы ее знаем из часто приводившихся описаний,—исчезновение сознательной индивидуальности, ориентировка мыслей и чувств в оди-

---

*) Тотем и табу. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VI. Госиздат. 1924. Москва—Ленинград.

наковых направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, тенденция к немедленному выполнению появляющихся намерений—соответствует состоянию регрессии до примитивной душевной деятельности, которую можно было бы приписать именно первобытной орде.

К первобытной орде относится особенно то, что мы раньше описали в общей характеристике людей. Воля индивида была слишком слаба, он не решался действовать. Никакие импульсы, кроме коллективных, не осуществлялись, существовала только общая воля, единичной воли не было, представление не решалось вылиться в волевой акт, если оно не было усилено ощущением своего всеобщего распространения. Эта слабость представления находит свое об'яснение в силе общей всем участникам массы эмоциональной привязанности, а присоединяющаяся однородность жизненных обстоятельств и отсутствие частной собственности определяет однородность жизненных актов у отдельных индивидов.—Экскрементальные потребности тоже не исключают общности, как можно заметить у детей и солдат. Единственным безусловным исключением является половой акт, в котором третье лицо по меньшей мере излишне: в крайнем случае, мучительно ожидают его ухода. О реакции сексуальной потребности (генитального удовлетворения) против стадности см. ниже.

Итак, масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой. Подобно тому, как первобытный человек может ожить в каждом индивиде, так и из любой человеческой толпы может быть воссоздана первобытная орда. Поскольку масса обычно господствует над людьми, мы узнаем в ней продолжение первобытной орды. Мы должны были бы сделать заключение, что психология массы является древнейшей человеческой психологией. Индивидуальная психология, которую мы выделили, пренебрегала остаточными массовыми про-

явлениями, выросла лишь впоследствии, постепенно и, так сказать, частично лишь обособившись из древней психологии масс. Мы еще рискнем указать исходный пункт этого развития.

Ближайшее рассуждение показывает нам, в каком пункте это положение нуждается в коррекции. Индивидуальная психология должна быть столь же древней, как и массовая психология, так как с самого начала существовала двоякая психология: психология индивидов — участников массы, и психология отца, начальника, вождя. Индивиды, составлявшие массу, были так же связаны, как мы их видим еще и теперь, но отец первобытной орды был свободен. Его интеллектуальные акты были сильны и независимы даже в своей обособленности, его воля не нуждалась в усилении другой волей. Мы в силу последовательности должны предположить, что его «Я» было мало связано в либидинозном отношении, он не любил никого, кроме себя, других любил только постольку, поскольку они служили его потребностям. Его «Я» не давало об'ектам ничего лишнего.

На заре истории человечества он был сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь в будущем. Еще теперь участники массы нуждаются в иллюзии, что все они в одинаковой мере любимы вождем, но сам вождь не должен любить никого, он должен принадлежать к породе властвующих, быть абсолютно нарцистичным, но самоуверенным и самостоятельным. Мы знаем, что любовь создает преграду нарцизму, и мы могли показать, как она стала культурным фактором благодаря этому влиянию.

Первобытный отец орды не был еще бессмертным, каким он стал впоследствии благодаря обо-

жествлению. Когда он умер, он должен был быть заменен; его место занял, вероятно, один из младших сыновей, бывший до тех пор участником массы, как и всякий другой индивид. Следовательно, должна существовать возможность превратить психологию массы в индивидуальную психологию, должно быть найдено условие, при котором осуществляется такое превращение подобно тому, как пчелы имеют возможность сделать, в случае необходимости, из личинки матку вместо работницы. Тогда можно представить себе только следующее: первобытный отец мешал своим сыновьям в удовлетворении их прямых сексуальных стремлений; он принуждал их к воздержанию и вследствие этого к эмоциональной привязанности к себе и друг к другу; эти привязанности могли вытекать из стремлений, имевших заторможенную сексуальную цель. Он вынуждал, их, так сказать, к массовой психологии. Его сексуальная ревность и нетерпимость стали в конечном итоге причиной массовой психологии.

Можно также предположить, что изгнанные сыновья, разлученные с отцом, использовали результат идентификации друг с другом для гомосексуальной об‘ектной любви и получили, таким образом, свободу для убийства отца.

Для того, кто становился его последователем, тоже дана была возможность сексуального удовлетворения, и этим открыт был выход из условий массовой психологии. Фиксация либидо на женщине, возможность удовлетворения без отсрочки и без отлагательства положили конец значению заторможенных в смысле цели сексуальных влечений и позволили нарцизму всегда оставаться на одном и том же уровне. К этому взаимоотношению между любовью и образованием характера мы еще вернемся в последней главе.

Подчеркнем еще раз, как особенно поучительный момент, соотношение между конституцией первобытной орды и условиями, предохраняющими искусственную массу от распада. На примерах войска и церкви мы видели, что таким условием является иллюзия об одинаковой любви вождя ко всем участникам массы. Но это—прямо-таки идеалистическая обработка соотношений, существующих в первобытной орде, в которой все сыновья чувствуют себя одинаково преследуемыми отцом и одинаково боятся его. Уже ближайшая форма человеческого общества, тотемистический клан, предполагает это преобразование, на котором построены все социальные обязательства. Неразрушимая прочность семьи, как естественного массового образования, покоится на том, что эта необходимая предпосылка одинаковой любви отца может действительно оказаться верной для нее.

Но мы ожидаем бо̀льшего от оценки массы с точки зрения первобытной орды. Эта оценка должна приблизить нас к пониманию того непонятного, таинственного в массе, что скрывается за загадочными словами: гипноз и внушение. И я полагаю, что эта оценка может приблизить нас к этому пониманию. Вспомним о том, что гипноз заключает в себе нечто жуткое, характер же жуткого указывает на какое-то вытеснение дряхлой старины и искренней привязанности. *) Вспомним о том, как производится гипноз. Гипнотизер утверждает, что он обладает таинственной силой, лишающей суб'екта его собственной воли, или—что то же самое—суб'ект верит в то, что гипнотизер обладает такой силой. Эта таинственная сила —

*) Das Unheimliche. Jmago, V, 1919.

в публике ее еще часто называют животным магнетизмом—должна быть той самой силой, которая являлась для первобытных народов источником табу, т.-е. силой, исходящей от королей и от начальников, благодаря которой к ним опасно приближаться (Mana). Гипнотизер хочет обладать этой силой; как же он выявляет ее? Требуя от человека, чтобы тот смотрел ему в глаза; в типичном случае он гипнотизирует своим взглядом. Но именно взгляд вождя опасен и невыносим для первобытных, как впоследствии взгляд божества для смертных. Еще Моисей должен был служить посредником между своим народом и Иеговой, так как народ не вынес бы взгляда божества, и когда Моисей возвращается после общения с богом, то от его лика исходит сияние, часть (Mana) перенеслась на него, как на посредника первобытных людей. *).

Конечно, гипноз можно вызвать и другими путями. Это может ввести в заблуждение, это дало повод к необоснованным физиологическим теориям, как, например, гипноз, вызванный фиксацией на блестящем предмете или выслушиванием монотонного шума. В действительности эти приемы служат лишь отвлечению и приковыванию сознательного внимания. Ситуация такова, как если бы гипнотизер сказал человеку: Займитесь исключительно моей личностью, весь остальной мир совершенно неинтересен. Конечно, было бы технически нецелесообразно, если бы гипнотизер действительно повел такую речь. Благодаря ей, гипнотизируемый был бы вырван из своей бессознательной установки, и у него возникло

---

[1]) См. Тотем и табу. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VI, Госиздат 1923, Москва—Ленинград. См. также цитирован. там источники.

бы сознательное сопротивление. И хотя гипнотизер старается не направлять сознательное внимание суб'екта на его намерения и хотя испытуемое лицо погружается в такое состояние, при котором весь мир должен стать для него неинтересен, однако, гипнотизируемый бессознательно концентрирует все свое внимание на гипнотизере, создает установку раппорта, перенесения на гипнотизера. Косвенные методы гипнотизирования, подобно некоторым техническим приемам остроумия, имеют, следовательно, результатом определенное распределение душевной энергии, так как иное распределение нарушило бы течение бессознательного процесса; эти методы приводят, в конце концов, к той же цели, что и прямое воздействие путем пристального взгляда или пассов.

При гипнозе у человека существует бессознательная установка на гипнотизера в то время, как сознательно он фиксирует свое внимание на изменяющихся, неинтересных восприятиях. При психоаналитическом лечении имеет место противоположная ситуация, что заслуживает здесь упоминания. Во время психоанализа, по крайней мере, один раз бывает так, что пациент упрямо утверждает, что теперь ему абсолютно ничего не приходит в голову. Его свободные ассоциации приостанавливаются и его обычные импульсы привести их в движение не достигают цели. При настойчивости можно добиться, наконец, признания в том, что пациет думает о виде, открывающемся из окон кабинета, об узоре обоев на стене, которую он видит перед собой, или об электрической лампочке, спускающейся с потолка, Это означает, что пациентом овладело перенесение, что к нему пред'являют свои права бессознательные мысли, относящиеся к врачу. Прекращение свободных ассоциаций исчезает у пациента, как только об'яснить ему это.

Ferenczi совершенно правильно установил, что гипнотизер занимает место родителей, отдавая приказание уснуть, предшествующее часто

процедуре гипноза. Он полагает, что нужно различать два вида гипноза: мягко успокаивающий и угрожающий; первый тип он относит к материнскому прототипу, второй—к отцовскому. *) Приказание спать, отдаваемое при гипнозе, тоже обозначает не что иное, как требование не проявлять никакого интереса к внешнему миру и сконцентрировать его на личности гипнотизера. Это приказание так и понимается гипнотизируемым, ибо в этом отвлечении от внешнего мира заключается психологическая характеристика сна и на нем покоится родственность сна с гипнотическим состоянием.

Итак, гипнотизер будит своими мероприятиями у гипнотизируемого часть его архаического наследства, которое проявлялось и в отношении к родителям и которое претерпевало в отношении к отцу индивидуальное возобновление (Wiederbelebung); он будит представление об очень сильной личности в отношении которой можно иметь только пассивно мазохистическую установку, в присутствии которой нужно потерять свою волю; остаться с ней наедине, «попасться ей на глаза»—является большим риском. Только в таком виде мы можем приблизительно представить себе отношение индивида в первобытной орде к первобытному отцу. Как мы знаем из других реакций, индивид сохраняет варьирующую в зависимости от индивидуальных особенностей степень оживления таких старых ситуаций. Знание того, что гипноз является только игрой, ложным обновлением тех старых впечатлений, может все же остаться и обеспечить со-

---

*) Ferenczi. „Introjektion und Übertragung. Jahrbuch der Psychoanalyse“, I, 1909.

противление против слишком серьезных последствий гипнотического уничтожения воли.

Жуткий, навязчивый характер массы, обнаруживающийся в ее суггестивных проявлениях, может быть, следовательно, по праву отнесен за счет ее происхождения от первобытной орды. Вождь массы все еще является первобытным отцом, которого продолжают бояться; масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть; она страстно жаждет авторитета; она жаждет, по выражению Лебона, подчинения. Первобытный отец является массовым идеалом, который владеет вместо «Я»-идеала человеческим «Я». Гипноз может быть с правом назван массой, состоящей из двух человек, внушение может быть определено как убеждение, основанное не на восприятии и мыслительной работе, а на эротической привязанности.

Нужно отметить, что взгляды, изложенные в этой главе заставляют нас вернутся от Bernheim'овского понимания гипноза к наивному, более старому толкованию его. По Bernheim'у все гипнотические феномены нужно считать производным внушения, а внушение является моментом, неподдающимся дальнейшему об'яснению. Мы приходим к выводу, что внушение является проявлением гипнотического состояния, имеющего прочное обосновгние в бессознательно сохранившемся предрасположении из первобытной истории человеческой семьи.

XI.

Ступень личности.

Если, помня дополняющие друг друга описания психологии масс, данные различными авторами, сделать обзор душевной жизни современных людей, то можно растеряться перед ее сложностью и потерять надежду дать стройное опи-

сание ее. Каждый индивид является участником многих масс; он испытывает самые разнообразные привязанности, созданные идентификацией; он создает свой «Я»-идеал по различнейшим прототипам. Итак, каждый индивид участвует во многих массовых душах, в душе своей расы, сословия, религии, государства и т. д. и, кроме того, он до некоторой степени самостоятелен и оригинален. Эти стойкие и длительные массы в своих мало видоизменяющихся проявлениях бросаются в глаза меньше, чем быстро образующиеся непостоянные массы, по которым Лебон набросал блестящую характеристику массовой души, и в этих шумных эфемерных массах, как бы возвышающихся над другими массами, происходит чудо: бесследно (хотя бы только на короткое время) исчезает то, что мы назвали индивидуальностью.

Мы поняли это чудо так, что индивид отказывается от своего идеала и заменяет его массовым идеалом, воплощающимся в вожде. Правильнее говоря, это чудо не во всех случаях одинаково велико. Отграничение «Я» от «Я»-идеала у многих индивидов не произведено еще достаточно резко; оба они еще легко совпадают; «Я» часто сохраняет для себя свою прежнюю нарцистическую самовлюбленность. Благодаря этому чрезвычайно облегчается выбор вождя. Часто он должен обладать лишь типичными свойствами этих индивидов в очень резком и чистом виде, он должен производить впечатление большой силы и либидинозной свободы; ему навстречу приходит потребность в сильном начальнике; она наделяет его сверхсилой, на которую он раньше, может быть, не претендовал бы. Другие индивиды, «Я»-идеал которых воплотился бы в его личности лишь при

условии корректуры, увлекаются затем суггестивно, т.-е. путем идентификации.

Мы замечаем, что предложенное нами об'яснение либидинозной структуры массы сводится к отграничению «Я» от «Я»-идеала и к возможному, вследствие этого, двойному виду привязанности: идентификация и замена «Я»-идеала об'ектом.

Предположение такой ступени в «Я», как первый шаг анализа человеческого «Я», должно постепенно найти свое подтверждение в самых различных областях психологии. В своей статье „Zur Einführung *) des Narzissmus" я собрал прежде всего весь патологический материал для обоснования выделения этой черты. Следует ожидать, что значение нарцизма окажется гораздо бо́льшим при углублении в психологию психозов. Вспомним о том, что «Я» играет роль об'екта в отношении к развивающемуся из него «Я»-идеалу, что, может быть, все взаимодействия, изученные нами в учении о неврозах между внешним об'ектом и совокупным «Я», повторяются на этой новой арене внутри «Я».

Я хочу проследить здесь лишь одно из всех возможных с этой точки зрения следствий и продолжить, таким образом, обсуждение проблемы, которую я оставил неразрешенной в другом месте. **) Каждая из душевных дифференцировок, с которыми мы познакомились, представляет новую трудность для душевной функции, повышает ее лабильность и может явиться исходным

---

*) „Jahrbuch der Psychoanalyse", VI, 1914.—Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, 4 Folge. Русск. перев. Вып. VIII психологич. и психоаналит. библиотеки.

**) „Печаль и меланхолия". Психолог. и психоаналит. библиотека. Вып. III, Госиздат 1923. Москва—Ленинград.

пунктом отказа от функции заболевания. Так, мы, родившись, сделали шаг от абсолютно самодовольного нарцизма к восприятию изменчивого внешнего мира и к началу нахождения об'екта; в связи с этим, находится тот факт, что мы не можем находиться в этом состоянии в течение долгого времени, что мы периодически покидаем его и возвращаемся во сне к прежнему состоянию отсутствия раздражений и избежания об'ектов. Конечно, мы следуем при этом указанию внешнего мира, который временно лишает нас бо́льшей части действующих на нас раздражений путем периодической смены дня и ночи. Другой более важный для патологии пример не подлежит такому ограничению. В течение нашего развития мы разделили весь наш душевный мир на связное (kohärent) «Я» и на стоящее вне «Я» бессознательное вытесненное, и мы знаем, что стабильность этих новообразований подвержена постоянным потрясением. В сновидении и в неврозе этот выключенный из нашего сознания материал стучится в охраняемые сопротивлением ворота, а в здоровом бодрственном состоянии мы пользуемся особыми приемами для того, чтобы временно включить в наше «Я» вытесненный материал, обходя сопротивление и извлекая из этого удовольствие. Остроумие и юмор, а отчасти и комическое вообще, должны рассматриваться с этой точки зрения. Каждому знатоку психологии неврозов известны такие примеры, имеющие меньший масштаб, но я спешу вернуться к нашей цели.

Можно представить себе, что и отграничение «Я»-идеала от «Я» не может существовать долго и должно подвергаться по временам обратному развитию. При всех запретах и ограничениях, накладываемых на «Я», происходит, как правило,

периодический прорыв запретного, как показывает институт праздников, являвшихся первоначально не чем иным как запрещенными законом эксцессами, и этому освобождению от запрета они обязаны и своим веселым характером. *) Сатурналии римлян и наш теперешний карнавал совпадают в этой существенной, отличительной черте с празднествами первобытных людей, которые обычно сочетали с развратом различные нарушения священнейших запретов. А «Я»-идеал охватывает сумму всех ограничений, которым подчиняется «Я», и потому упразднение идеала должно было бы быть величайшим праздником для «Я», которое опять могло бы быть довольно собой.

Когда в „Я“ что-нибудь совпадает с „Я“-идеалом, то всегда возникает ощущение триумфа. Чувство вины (и чувство малоценности) тоже могут быть поняты как разногласие между „Я“ и „Я“-идеалом.

Trotter считает вытеснение производным стадного инстинкта. Это скорее та же мысль, выраженная несколько иначе, чем противоречие, когда я говорю в „Einführung des Narzissmus“: образование идеала является благоприятствующим условием для вытеснения.

Как известно, есть люди, настроение которых периодически колеблется от чрезмерной подавленности через некоторое среднее состояние до повышенного самочувствия, и действительно эти колебания наступают в различной по величине амплитуде, от едва заметной до самой крайней; они врываются крайне мучительно или разрушающе в жизнь больного в виде меланхолии или мании. В типических случаях этого циклического рас-

---

*) Тотем и табу. Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VI. Госиздат, 1924. Москва—Ленинград.

стройства внешние поводы как будто не играют решающей роли: из внутренних мотивов у этих больных находят то же, что у всех людей. Поэтому вошло в обыкновение трактовать эти случаи как не-психогенные. О других тождественных случаях циклического расстройства, которые легко могут быть сведены к душевным травмам, речь будет впереди.

Обоснование этих произвольных колебаний настроения нам, следовательно, неизвестно. У нас нет знания механизма смены меланхолии манией. Для этих больных могло бы иметь значение наше предположение о том, что их «Я»-идеал растворился в «Я» в то время, как до того он был очень требователен к «Я».

Мы решительно избегаем неясностей: на основе нашего анализа «Я» несомненно, что у маниакального больного «Я» сливается с «Я»-идеалом, и человек радуется отсутствию задержек, опасений и самоупреков, находясь в настроении триумфа и самодовольства, ненарушаемом никакой самокритикой. Менее очевидно, но все же весьма вероятно, что страдание меланхолика является выражением резкого разногласия между обеими инстанциями «Я». В этом разногласии чрезмерно чувствительный идеал выражает свое беспощадное осуждение «Я» в бреде унижения и самоунижения. Нерешенным остается только вопрос, нужно ли искать причину этой перемены соотношения между «Я»-идеалом в выше постулированных периодических протестах против нового института или виною этому другие соотношения.

Переход в маниакальное состояние не является обязательной чертой в клиническом течении меланхолической депрессии. Есть простые однократные, а также периодически повторяющиеся формы

меланхолии, которые никогда не переходят в маниакальное состояние. С другой стороны, существуют меланхолии, при которых повод явно играет этиологическую роль. Это—случаи меланхолии, возникающие после потери любимого об'екта, будь то смерть об'екта или стечение обстоятельств, при которых происходит обратный отток либидо от об'екта. Такая психогенная меланхолия также может перейти в манию, и этот цикл может повторяться многократно так же, как и при якобы произвольной меланхолии. Итак, соотношения очень неясны, тем более, что до сих пор психоаналитическому исследованию были подвергнуты лишь немногие формы и случаи меланхолии*). Мы понимаем до сих пор только те случаи, в которых об'ект покидался в силу того, что он оказывался недостойным любви, затем «Я» опять воздвигало его путем идентификации, а «Я»-идеал строго осуждал его. Упреки и аггрессивность в отношении к об'екту проявляются как меланхолические самоупреки.

Точнее говоря: они скрываются за упреками против собственного „Я", придают им стойкость, прочность и неопровержимость, которыми отличаются самоупреки меланхолика.

Переход в манию может непосредственно следовать и за такой меланхолией, так что этот переход является признаком, независимым от других характерных черт клинической картины.

Я не вижу препятствий к тому, чтобы принять во внимание момент периодического протеста «Я» против «Я»-идеала для обоих видов меланхолии,

---

*) Ср. Abraham, Ansätze zur psychoanalytischen Erforschung und Behandlung des manisch-depressiven Jrreseins etc 1912, in „Klinische Beiträge zur Psychoanalyse", 1921.

как для психогенной, так и для произвольной. При произвольной меланхолии можно предположить, что «Я»-идеал относится особенно строго к свободному выявлению «Я», следствием чего является потом автоматически его временное упразднение. При психогенной меланхолии «Я» побуждается к протесту вследствие того, что его идеал плохо относится к нему, а это плохое отношение является результатом идентификации «Я» с отвергнутым об'ектом.

XII.

Дополнение.

В процессе исследования, которому мы подводим теперь итоги, нам открылись различные побочные пути, которые мы раньше оставили в стороне, но которые имеют близкое к нам отношение. Кое-что из этого оставшегося позади мы хотим наверстать.

А. Отличие между «Я»—идентификацией и заменой «Я»-идеала об'ектом находит себе интересное об'яснение в двух больших искусственных массах, изученных нами вначале: в войске и в христианской церкви.

Очевидно, солдат считает идеалом своего начальника, собственно главнокомандующего в то время, как он идентифицируется с равными себе солдатами и выводит из этой общности «Я» обязательства товарищеских отношений для того, чтобы оказывать взаимную помощь и делиться всем добром. Но он смешон, когда он хочет идентифицироваться с главнокомандующим. Егерь в лагере Валленштейна иронизирует по этому поводу над вахмистром:

«Плюнет он, что ли, иль высморкнет нос,—вы за ним тоже». (Перевод Л. Мея.)

Иначе обстоит дело в католической церкви. Каждый христианин любит Христа, как свой идеал; вследствие идентификации он чувствует себя связанным с другими христианами. Кроме того, он должен идентифицироваться с Христом и любить других христиан так, как их любил Христос. Следовательно, церковь требует в обоих случаях дополнения либидинозной позиции, которая создается благодаря массе: идентификация должна присоединяться к тем случаям, где произошел выбор об'екта, а об'ектная любовь должна присоединяться к тем случаям, где существует идентификация. Это—безусловно выходит за пределы конституции массы; можно быть хорошим христианином и в то же время быть далеким от идеи поставить себя на место Христа, любить подобно ему всех людей. Простой смертный не решается приписать себе величие духа и силу любви Спасителя. Но это дальнейшее развитие распределения либидо в массе является, вероятно, моментом, благодаря которому христианство претендует на высшую нравственность.

Б. Мы сказали, что в духовном развитии человечества можно было бы указать момент, когда для индивидов произошел прогресс от массовой психологии к индивидуальной.

Нижеследующее написано под влиянием обмена мыслей с Rank'ом.

Для этого мы должны вкратце вернуться к мифу об отце первобытной орды. Он впоследствии был превознесен до творца мира, и по праву, так как он сотворил всех своих сыновей, составивших первую массу. Он был идеалом для каждого из них в отдельности, его боялись и в то же вре-

мя почитали; из этого впоследствии родилось понятие табу. Эта толпа собралась однажды вместе, убила отца и растерзала его. Никто из участников победившей массы не мог занять его место, а если кто-нибудь, из них сделал бы это, то борьба возобновилась бы до тех пор пока они поняли бы, что все они должны отказаться от отцовского наследства. Тогда они образовали тотемистическую братскую общину, связанную одними и теми же правами и тотемистическими запретами, которые хранили память о злодеянии и должны были искупить его. Но недовольство создавшимся положением осталось и стало источником новых перемен. Люди, связанные в братскую массу, постепенно приблизились к воссозданию старого положения на новый лад, мужчина опять стал главой семьи и перестал признавать господство женщины, установившееся в тот период времени, когда не было отца. В виде компенсации он признал тогда материнские божества, жрецы которых были кастрированы для того, чтобы оградить мать; пример этот был дан первобытной орде отцом; однако, новая семья была только тенью старой, отцов было много и каждый был ограничен правами другого.

Тогда страстная тоска о недостающем отце могла побудить индивида освободиться от массы и занять место отца. Тот, кто сделал это, был первым эпическим поэтом; он достиг этого в своей фантазии. Этот поэт извратил действительность в духе своего страстного желания. Он создал героический миф. Героем был тот, кто сам один убил отца, фигурирующего еще в мифе в качестве тотемистического чудовища. Как отец был первым идеалом мальчика, так поэт создал теперь в герое, заменяющем отца, первый «Я»-

идеал. Примером привязанности к герою послужил, вероятно, младший сын, любимец матери, которого она защищала от ревнивых проявлений отца и который во времена первобытной орды был последователем отца. В ложном опоэтизировании первобытного времени женщина, бывшая призом и соблазном для убийства, стала причиной и подстрекательницей преступления.

Герой совершает сам один то деяние, на которое способна, конечно, лишь вся орда в целом. Тем не менее эта сказка сохранила, по замечанию Rank'a, явные следы скрываемого положения вещей. Так часто описывается, как герой, которому предстоит разрешение трудной задачи (в большинстве случаев это младший сын, нередко он притворяется в присутствии суррогата отца глупым, т.-е. не представляется для него опасным), разрешает все же эту задачу лишь с помощью кучки маленьких животных (муравьи, пчелы). Это — братья, составлявшие первобытную орду, подобно тому, как и в символике сновидений насекомые, паразиты обозначают братьев и сестер (презрительно: как маленькие дети). Кроме того, в каждой из задач в мифе и сказке легко распознать замену героического поступка.

Итак, миф является шагом, с помощью которого индивид выступает из массовой психологии. Первый миф был, безусловно, психологическим, героическим мифом; миф о вселенной должен был появиться гораздо позднее. Поэт, сделавший этот шаг и освободившийся, таким образом, от массы в своей фантазии, умеет, согласно другому замечанию Rank'a, найти обратный путь к ней. Он идет к этой массе и рассказывает ей о подвигах своего героя, созданных им. Этот герой является в основе не кем иным, как им самим.

Таким образом он снисходит до реальности и поднимает своих слушателей до фантазии. Слушатели же понимают поэта, они могут идентифицироваться с героем на основе одинакового страстного отношения к первобытному отцу*).

Ложь героического мифа достигает своего кульминационного пункта в обожествлении героя. Вероятно, обожествленный герой существовал раньше, чем бог-отец, он был предшественником возвращения отца, как божества. Ряд богов проходил хронологически так: богиня-мать—герой—бог-отец. Но лишь с возвышением первобытного отца, который никогда не может быть забыт, божество получило те черты, которые мы видим в нем еще ныне.

В этом сокращенном изложении пришлось отказаться от материала из саг, мифов, сказок, истории нравов и т. д., который можно было бы использовать для обоснования этой конструкции.

В. Мы много говорили здесь о прямых сексуальных влечениях и о заторможенных в смысле цели сексуальных влечениях, и мы надеемся, что это подразделение не встретит большого сопротивления. Однако подробное обсуждение этого вопроса будет не лишним даже в том случае, если оно повторит отчасти уже сказанное нами раньше.

Первым, но вместе с тем наилучшим примером сексуальных влечений, заторможенных в смысле цели, явилось для нас либидинозное развитие ребенка. Все те чувства, какие ребенок питает к своим родителям и к опекающим его лицам, укладываются без натяжки в желания, дающие выражение сексуальному стремлению ребенка. Ребенок

---

[1]) Cp Hans Sachs v. Gemeinsame Tagträume, Autoreferat eines Vortrags auf dem VI psychoanalytischen Kongress im Haag, 1920. „Jnternationale Zeitschrift für Psychoanalyse“, VI, 1920.

требует от этих любимых им лиц всех известных ему ласк: он хочет их целовать, прикасаться к ним, осматривать их, ему любопытно видеть их гениталии и присутствовать при интимных экскрементальных отправлениях, он обещает жениться на матери или на няне, независимо от того, что он подразумевает под этим, он намеревается подарить отцу ребенка и т. д. Прямые наблюдения, равно как и позднейшее аналитическое освещение остатков детства не оставляют никакого сомнения в непосредственном слиянии нежных и ревнивых чувств с сексуальными намерениями; они показывают нам, как основательно ребенок делает любимого человека об'ектом всех его еще недостаточно сконцентрированных сексуальных влечений (ср. Теорию полового влечения).

Первое любовное сооружение ребенка, подчиняющееся в типичном случае Эдипову комплексу, подлежит затем, как известно, с началом латентного периода вытеснению. То, что остается после вытеснения, кажется нам исключительно нежной привязанностью, которая относится к тем же лицам, но которая больше не может быть названа сексуальной. Психоанализу, освещающему глубины душевной жизни, нетрудно была доказать, что сексуальные привязанности первых детских лет продолжают существовать, хотя они вытеснены и бессознательны. Он дает нам мужество утверждать, что всюду, где мы встречаем нежное чувство, оно является преемником половой об'ектной привязанности к соответствующему лицу или к его прототипу (Imago). Он может показать нам — конечно, не без особого исследования — существует ли еще в данном случае это предшествующее сексуальное влечение в вытесненном состоянии или же оно уже уничтожено. Яснее говоря:

твердо установлено, что оно может быть во всякое время опять активировано благодаря регрессии; спрашивается лишь (это не всегда легко решить), какую активность и какую действенную силу оно имеет еще в настоящее время. Здесь нужно принять во внимание в одинаковой мере два источника ошибок, Сциллу недооценки вытесненного бессознательного и Харибду склонности измерять нормальное исключительно меркой патологического.

Психологии, которая не хочет и не может проникнуть в глубины вытесненного, эта нежная привязанность представляется во всяком случае выражением стремлений, не имеющих сексуальной окраски, хотя бы они и проистекали из привязанности, имеющей сексуальную окраску.

Враждебные чувства, имеющие несколько более сложную структуру, не являются исключением из этого.

Мы в праве сказать, что эти стремления отклонились от прямых сексуальных целей, хотя и трудно удовлетворить требования метапсихологии при изображении такого отклонения от цели. Впрочем, эти заторможенные в смысле цели влечения все еще сохраняют некоторые из первоначальных сексуальных целей. Даже тот, кто нежно привязан, даже друг, поклонник ищет телесной близости и хочет видет человека, к которому он питает любовь «в духе апостола Павла». Если угодно, то мы можем видеть в этом уклонении от цели начало сублимирования сексуальных влечений или же еще больше расширить границы последних. Заторможенные в смысле цели сексуальные влечения имеют большое функциональное преимущество перед незаторможенными; так как они неспособны к полному удовлетворению, то

они особенно пригодны для создания длительных привязанностей в то время, как прямые сексуальные стремления теряют при каждом удовлетворении свою энергию и должны ожидать своего обновления путем накопления сексуального либидо, при чем в этот промежуток времени один об'ект может быть заменен новым. Заторможенные влечения могут быть в любом количестве смешаны с незаторможенными, могут претерпевать обратное превращение в незаторможенные, подобно тому, как они развились из них. Известно, как легко из отношений дружеского характера, основанных на уважении и благоговении, развиваются эротические желания (Embrassez-moi pour l'amour du Grec, Мольер), между маэстро и ученицей, артистом и восхищенной слушательницей, особенно у женщин. Возникновение таких привязанностей, которые сперва не имели в виду сексуальной цели, непосредственно указывает на проторенный путь к выбору сексуального об'екта. В статье „Frömmigkeit des Grafen von Zinzendorf“ Pfister привел прекрасный и отнюдь не единичный пример того, как даже интенсивная религиозная привязанность легко превращается в пламенное сексуальное возбуждение. С другой стороны, превращение недолговечных сексуальных стремлений в длительную, чисто нежную привязанность является чем-то весьма обычным, и консолидация брака, заключенного по страстной любви, основана в большинстве случаев на этом процессе.

Разумеется, нас не удивит тот факт, что непосредственные сексуальные стремления превращаются в заторможенные в смысле цели стремления в том случае, если на пути к достижению сексуальной цели стоят внутренние или внешние препятствия. Вытеснение латентного периода есть

такое внутреннее—или лучше сказать: ставшее внутренним—препятствие. Мы предположили об отце первобытной орды, что он вынудил своих сыновей к воздержанию вследствие своей сексуальной нетерпимости и навязал им, таким образом, заторможенные в смысле цели привязанности в то время, как сам он сохранил для себя свободу сексуального наслаждения и остался, следовательно, не связанным. Все привязанности, на которых основана масса, имеют такой характер влечений, заторможенных в смысле цели. Но таким путем мы приблизились к обсуждению новой темы, которая имеет в виду отношение прямых сексуальных влечений к массе.

Последния два замечания подготовили нас к тому, что прямые сексуальные стремления неблагопрятны для массы. Хотя в истории развития семьи существуют массовые отношения сексуальной любви (групповый брак), однако, чем бо́льшее значение приобретала половая любовь для «Я», чем больше развивалась влюбленность, тем настойчивее она требовала ограничения двумя лицами—una cum uno — предназначенными природой для цели размножения. Полигамические наклонности должны были удовлетвориться последовательной сменой об'екта.

Оба лица, предназначенные для цели обоюдного сексуального удовлетворения, демонстрируют протест против стадного инстинкта, против чувства массы: они ищут уединения. Чем сильнее они влюблены, тем больше удовлетворяют они друг друга. Протест против влияния массы сказывается, как чувство стыда. Очень сильные чувства ревности призываются для того, чтобы предохранить выбор сексуального об'екта от ущерба, который может быть нанесен массовой привязанностью. Половая связь одной пары в присутствии другой или одновременный половой акт

в группе людей (как это бывает при оргии) возможны только в том случае, когда нежные, т.-е. личные факторы любовного отношения целиком отступают на задний план в сравнении с грубо-чувственными. Но это является регрессией к более раннему состоянию половых отношений, когда влюбленность не играла еще никакой роли, а сексуальные об'екты считались равноценными друг другу, приблизительно так, как зло сказал Бернард Шоу: быть влюбленным—это значит чудовищно переоценивать разницу между одной женщиной и другой.

Есть много указаний на то, что влюбленность лишь позже вошла в сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, так что несовместимость половой любви и массовой привязанности развилась поздно. Теперь может получиться такое впечатлени мак будто это предположение несовместимо с нашим мифом о первобытной семье. Любовь к матерям и сестрам явилась для братьев стимулом к убийству отца, и трудно представить себе, чтобы эта любовь была исковерканной, непримитивной, т.-е. она должна была соединять в себе нежную и грубо чувственную любовь. Однако, при дальнейшем рассуждении это возражение становится подтверждением. Одной из реакций на убийство отца было установление тотемистической экзогамии, запрета, касавшегося какого бы то ни было сексуального отношения с женщинами, принадлежавшими к родной семье и нежно любимыми с самого детства. Этим был вбит клин между нежными и грубо чувственными побуждениями, клин, который прочно сидит еще и в настоящее время в любовной жизни *). Вследствие этой экзогамии грубо чувственные потребности мужчин должны были удовлетворяться чужими и нелюбимыми женщинами.

В больших искусственных массах, в церкви и войске, женщина, как сексуальный об'ект, не имеет места. Любовные отношения между мужчиной и

---

*) „Об унижении любовной жизни". Психолог. и психоаналит. библиотека, вып. III, Госиздат, 1924, Москва—Ленинград.

женщиной остаются вне этих организаций. Даже там, где образуются массы, состоящие из мужчин и женщин, половое различие не играет никакой роли. Едва ли нужно спрашивать, имеет ли либидо, спаивающее массу, гомосексуальную или гетеросексуальную природу, так как оно не дифференцировано по полам и совершенно не имеет в виду генитальной организации либидо.

Прямые сексуальные стремления также сохраняют до некоторой степени индивидуальную деятельность для человека, обычно растворяющегося в массе. Там, где они чрезвычайно усиливаются, они разрушают всякую массу. Католическая церковь имела веские мотивы рекомендовать верующим безбрачие и наложить на своих священнослужителей целибат, но влюбленность часто являлась и для духовных лиц стимулом к выступлению из церкви. Равным образом любовь к женщине разбивает массовые привязанности к расе, национальные рамки и социальные классовые перегородки и выполняет благодаря этому важные культурные задачи. Несомненно, что гомосексуальная любовь легче совместима с массовыми привязанностями даже там, где она проявляется как незаторможенное сексуальное стремление. Это— поразительный факт, об'яснение которого завело бы нас слишком далеко.

Психологическое исследование психоневрозов доказало нам, что их симптомы следует считать производными вытесненных, но оставшихся активными прямых сексуальных стремлений. Эту формулу можно дополнить: симптомы могут также являться производными таких заторможенных в смысле цели стремлений, при которых торможение не совсем удалось или при которых имел место возврат к вытесненной сексуальной цели.

Этому соотношению вполне соответствует тот факт, что человек становится под влиянием невроза асоциальным и отщепляется от привычных масс. Можно сказать, что невроз, подобно влюбленности, действует на массу разрушающе. Поэтому можно видеть, что там, где есть сильный стимул к образованию массы, там невроз отступает на задний план и может, по крайней мере, на некоторое время совсем исчезнуть. Были сделаны даже имеющие основание попытки применить эту несовместимость невроза и массы как терапевтическое средство. Даже тот, кто не сожалеет об исчезновении религиозных иллюзий из современного культурного мира, признает, что они являлись сильнейшей защитой от невротической опасности для людей, которых они связывали. Нетрудно также видеть во всех этих привязанностях к мистически-религиозным или философски-мистическим сектам и общинам выражение псевдо-лечения разных неврозов. Все это связано с противоположностью между прямыми и заторможенными в смысле цели сексуальными стремлениями.

Невротик предоставлен самому себе, он должен заменить себе своими симптомами те огромные массы, из которых он выключен. Он создает себе свой собственный фантастический мир, свою религию, свою бредовую систему и повторяет, таким образом, институты человечества в искаженном виде, ясно свидетельствующем о сильнейшем участии прямых сексуальных стремлений*).

Г. Приведем в заключение оценку с точки зрения либидинозной теории тех состояний, которые

*) См. Тотем и табу, конец II главы: Табу и амбивалентность.

мы изучали: влюбленность, гипноз, массу и невроз.

Влюбленность основана на одновременном существовании прямых и заторможенных в смысле цели сексуальных стремлений, при чем об'екту уделяется часть нарцистического «Я»-либидо. При влюбленности существует только «Я» и об'ект.

Гипноз разделяет с влюбленностью ограничение этими двумя лицами, но он основан исключительно на заторможенных в смысле цели сексуальных стремлениях и ставит об'ект на место «Я»-идеала.

Масса умножает этот процесс; она совпадает с гипнозом в природе спаивающих ее влечений и в замене «Я»-идеала об'ектом, но при ней присоединяется идентификация с другими индивидами, которая первоначально была возможна, вероятно, благодаря одинаковому отношению к об'екту.

Оба состояния, как гипноз, так и масса, являются наследственными осадками из филогенеза человеческого либидо; гипноз—как предрасположение, масса—сверх того как прямой пережиток. Замена прямых сексуальных стремлений стремлениями, заторможенными в смысле цели, способствует в обоих случаях обособлению «Я» и «Я»-идеала; начало этому было положено уже при влюбленности.

Невроз выступает из этого ряда. Он также основан на своеобразности развития человеческого либидо, на прерванном, вследствие латентного периода, двукратном начале прямой сексуальной функции. (См. Теорию полового влечения, Психологич. и психоаналит. библиотека. Вып. VIII, стр. 107. Госиздат, 1924 г.)

В этом отношении он разделяет с гипнозом и массой характер регрессии, которого избегает влюбленность. Он наступает всегда в тех случаях, где переход от прямых к заторможенным в смысле цели сексуальным стремлениям не вполне удался; он является выражением **конфликта** между впитанными в «Я» влечениями, проделавшими такое развитие, и частью тех влечений, которые из вытесненной бессознательной сферы стремятся к своему прямому удовлетворению (равно как и другие, совсем вытесненные влечения). По содержанию невроз чрезвычайно богат, так как обнимает все возможные отношения между «Я» и об'ектом: как те, в которых об'ект сохраняется, так и те, в которых от него отказываются или в которых об'ектом служит само «Я»; сюда же относятся конфликтные отношения между «Я» и «Я»-идеалом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

247

ЦЕНА
75 коп.

Арбат, Сивцев-
Вражек, 40.
Тел. 3-65-07,
лично от 5—7 ч.